ГА «БАЖ» – 25!

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

№ 2 (130) 2020

Шлях да Свабоды

Мы призываем международное сообщество защитить журналистов в Беларуси

Совместное обращение писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе Светланы Алексиевич, председателя Белорусской ассоциации журналистов Андрея Бастунца и генерального секретаря организации «Репортеры без границ» Кристофа Делуара.

Виктор Гюго 11 сентября 1848 года в ходе дебатов о введении в Париже осадного положения произнес в Национальной ассамблее речь. В ней он высказался против временного закрытия газет: «Принцип свободы прессы не менее важен, не менее священен, чем принцип всеобщего избирательного права. Это две стороны одной медали, – сказал писатель и продолжил, – свобода прессы наряду со всеобщим избирательным правом – это всеобъемлющая мысль, которая просвещает правительство, избранное всеми». Вывод, который из этого следует: «Покушаться на первое – значит покушаться на второе».

Когда народы мира требуют уважения своих гражданских прав, они требуют честного отображения реальности, а также честных выборов. Они знают, что свобода прессы позволяет проверять наличие всех остальных свобод. Именно поэтому манифестанты в Минске скандировали: «Журналисты – не преступники!». Увы, власть Александра Лукашенко пытается превратить политическую реальность в потемкинскую деревню.

В Беларуси, которая занимает среди 180 стран 153-е место согласно Всемирному индексу свободы прессы «Репортеров без границ» (РБГ), телеканалы давно оказались под абсолютным контролем режима. Распространенными инструментами репрессий являются аресты независимых журналистов и цензура средств массовой информации. После недавно возникшего движения за свободу власти лишь усилили жестокость, с которой оказывается это давление. Массовые облавы, преследования, пытки... За последнюю неделю почти 70 журналистов вновь стали мишенью для властей.

Иностранные СМИ лишены аккредитации, а их корреспондентов массово высылают из страны. Власть без колебаний подвергает цензуре десятки новостных сайтов, а временами полностью отключает доступ в Интернет. Она также препятствует печати и распространению независимых газет. Она хотела бы создать информационный вакуум, установить великое безмолвие вместо демонстраций и дебатов. Но мы не желаем возврата тишины диктатур, описанной знаменитым польским репортером Рышардом Капущинским, потому что «это тишина, которая является признаком несчастья, а часто и преступления».

В связи с этим мы призываем Генеральную Ассамблею ООН направить миссию наблюдателей, чтобы свидетельствовать о злоупотреблениях в отношении журналистов. Мы также призываем Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе включить свободу печати в качестве приоритета в свое предложение о посредничестве в урегулировании кризиса. Мы призываем страны Содружества Независимых Государств обусловить председательство Беларуси в этой организации, которое намечено на 2021 год, прекращением насилия в отношении СМИ.

И наконец, мы призываем все благожелательно настроенные к Беларуси и ее народу государства принимать в упрощенном порядке преследуемых журналистов из этой страны, которые в настоящее время не могут работать у себя на родине. Как однажды сказала Светлана Алексиевич, одна из подписавших это обращение: «Свобода – это долгая и тяжкая работа». Сколь бы долгой она ни была, эта «тяжкая работа» сегодня предполагает солидарность международного сообщества.

11 сентября 2020 г.

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

№ 2 (130) 2020

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Скарыстаны здымкі Вадзіма Заміроўскага, TUT.BY (1-я і 4-я вокладка); здымкі з архіва рэдакцыі, малюнкі Сяргея Казлова.

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009.
Падпісана да друку 18.09.2020.
Дата выхаду 28.09.2020.
Фармат 60х84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 8,0
Наклад 300 асобнікаў.
Замова №
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/142 ад 09.01.2014, № 2/34 ад 23.12.2013.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220004, г. Мінск, вул. Кальварыйская, 16-265.
Тэл.: (029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by, baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня:
Таварыства з абмежаванай адказнасцю «МЕДЫСОНТ».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/34 ад 23.12.2013.
ЛП № 02330/20 ад 18.12.2013.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, (017) 203-53-41, (029) 623-74-10
www.medisont.by

А. Бастунец
МЫ 2

А. Спасюк
Як на Акрэсціна здзекваліся і прыніжалі жанчын 3

А. Дубравін
Урок румынскага 5

Б. Вырвіч
Зняў, напісаў – у турму 8

Жанна Літвіна: *«Апошнія 25 гадоў – гэта хроніка супрацьстаяння»* 12

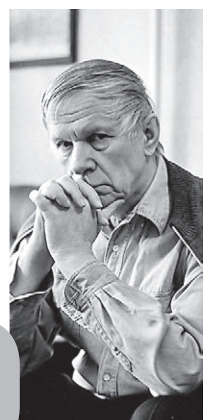
Кароткая хроніка адных працоўных выходных 15

«Я б цябе забіў. Такіх трэба забіваць» 16
Журналіст з Горадні расказаў, як падчас пратэстаў яму зламалі рукі

У цэнтры Еўропы. МІНСК–2020 18–19

Л. Міндлін
Сумны прарок у сваёй айчыне.
Гісторыя аднаго інтэрв'ю 20

А. Спасюк
Катаванні на Акрэсціна могуць застацца беспакаранымі.
Людзі баяцца пра іх заяўляць 25

С. Вазняк
На нарах у бажаўскай майцы «Трымайся праўды!» 29

В. Гарбузаў
«Працоўныя» моманты 33

С. Ваганаў
Бяссілле страху 37

МЫ

Андрей БАСТУНЕЦ

СЕГОДНЯ ПРАВО НАС НЕ ЗАЩИЩАЕТ.

С начала года до середины сентября БАЖ зафиксировал более 300 случаев грубых нарушений прав журналистов. И абсолютное большинство из них произошло в поствыборный период, то есть всего за месяц с небольшим. Одних только задержаний за это время было более 170, в 52 случаях журналисты столкнулись с насилием, избиениями, повреждением или изъятием их техники, многих коллег удерживали под стражей, осудили к административному аресту… Репортеры работали буквально под пулями – в мирной стране! Две журналистки были ранены, еще одна оглушена взрывом шумовой гранаты… И все это – несмотря на заверения министра внутренних дел Юрия Караева, что «пресса – это святое. Какой бы ни был [журналист], их трогать нельзя». Увы, на практике эти слова либо игнорируются, либо силовики на деле получают противоположные указания.

СЕГОДНЯ ПРАВО НАС НЕ ЗАЩИЩАЕТ.

Мы давно привыкли, что в самые напряженные моменты политических кампаний или во время массовых манифестаций становятся «по техническим причинам» недоступными сайты, независимо освещающие социально-политические проблемы. Но трудно было даже представить, что в «IT-стране» интернет в принципе будет практически перекрыт на три дня! Впрочем, про блокировку сайтов служивые тоже не забыли. С 9 августа многие из них стали недоступными в Беларуси – безо всяких объяснений и предупреждений. Только 21 августа власти вспомнили про необходимость правового обоснования и, махнув шашкой – «вред национальным интересам», – приняли решение об ограничении доступа к десяткам информационных интернет-ресурсов, включая самые популярные.

А потом решили расширить «целевую аудиторию», доступ которой к информации ограничивается. И под абсолютно надуманными предлогами или вовсе без них отказались печатать в стране несколько газет. И отказывались распространять те из них, которые смогли напечатать свои тиражи за рубежом. «Народная воля», «Комсомолка», «Белгазета», «Свободные новости»… Сейчас к ним еще и штрафные санкции предъявляют за якобы неисполнение своих обязательств. Правая рука не знает, что делает левая? Отбить бы обе эти руки – сугубо по закону, – но

СЕГОДНЯ ПРАВО НАС НЕ ЗАЩИЩАЕТ.

Мы уже привыкли к проблемам журналистов-фрилансеров. Каждый год их штрафуют на огромные суммы. Штрафуют белорусских граждан, которые сотрудничают с иностранными СМИ без аккредитации министерства иностранных дел. Аккредитации, которую они получить не могут в принципе. Штрафуют, не имея подходящей статьи в КоАП (часть 2 статьи 22.9 притянута за уши и не предусматривает ответственности для журналистов, сотрудничающих с иноСМИ без аккредитации). Но в этом году ситуация только ухудшилась. Сначала более чем сотне иностранных журналистов не дали краткосрочной аккредитации на выборы (прикрываясь коронавирусом, которого как бы в Беларуси и не было). Потом – лишили постоянной аккредитации 17 корреспондентов известных зарубежных СМИ. Журналистов-иностранцев просто высылали из страны (избив «на дорожку» некоторых из них).

СЕГОДНЯ ПРАВО НАС НЕ ЗАЩИЩАЕТ.

Но, собственно, так было и 25 лет назад. БАЖ и создавался-то как реакция на резкое усиление давления на журналистов и СМИ после прихода к власти человека, обещавшего прессе свободу. «Белые пятна» в газетах, задержания, уголовные дела против журналистов, закрытие изданий, угрозы и даже убийства…

И все же журналисты продолжают работать. Несмотря ни на что. Заблокированные интернет-ресурсы распространяют информацию через «зеркала», телеграмм-каналы и соцсети (причем информационная грамотность граждан и навыки обходить запреты в интернете резко выросли). Волонтеры распространяют «Народную волю», забирая напечатанные тиражи буквально в течение дня. Журналисты ночуют у РУВД и изоляторов временного содержания, куда отправили коллег. И – продолжают делать свое дело: находить, получать и распространять информацию.

Испытываю огромное уважение ко всем, кто работает «в поле», несмотря на все риски и угрозы. Кто готовит материалы в редакциях. Кто отказался умножать ложь, уйдя из пропагандистских СМИ. Кто поддерживает своих коллег в ИВС и судах, помогает им словом и делом. Всем, благодаря кому информация о происходящем в Беларуси становится известной и в стране, и далеко за ее пределами. А не остается закупоренной в затхлом медиапространстве, которым его пытаются сделать «люди в черном».

СЕГОДНЯ ПРАВО НАС НЕ ЗАЩИЩАЕТ.

СЕГОДНЯ МЫ ЗАЩИЩАЕМ ПРАВО.

Как на Окрестина издевались и унижали женщин

Елена СПАСЮК,
Naviny.by, БелаПАН,
Фото Вадима
Замировского, TUT.BY

Журналистка, мать троих детей Алена Щербинская (Дубовик) прошла через унижения и побои в центре изоляции правонарушителей (ЦИП) на Окрестина. Она пробыла в больнице семь дней, но не собирается сдаваться и будет в правовом поле искать способ наказать надзирательницу, использующую садистские методы в обращении с задержанными.

Алену Дубовик задержали вечером 10 августа вместе с Татьяной Белашовой, супругой оператора Виталия Дубика, в Центральном РУВД, куда они приехали в его поисках:

«*Там мы встретили врача Андрея Витушко и его жену Кристину Витушко, которые в тот вечер, как многие другие родители, искали своего сына. Татьяна решила писать и написала заявление о пропаже человека, потому что никаких данных о Виталии не было. И вдруг подъехал ОМОН на двух или трех автозаках. Мы не ожидали, что с нами такое случится – это же за гранью: ты приехал в РУВД, пишешь заявление о пропаже человека, а тебя задерживают. Но нас схватили, причем жестко – под руки и повели. Было 22:38*».

По словам Алены, так задержали около двадцати человек, в том числе супругов Витушко, которые были с ней в автозаке, а Кристина потом и в одной камере. В каком-то месте людей растасовали – мужчины и женщины раздельно: «*Мы с Таней Белашовой оказались в стакане, она сидела у меня на коленях, а вокруг ужас: кровь на стенах, духота (стакан – глухая одиночная камера в автозаке площадью не более половины квадратного метра). И нас привезли на Окрестина. Вещи забрали, у меня была крупная сумма денег, хорошая сумка. Никто ничего не описывал. Я несколько раз говорила, что журналист, но всем было безразлично*».

Во время досмотра Алена Дубовик и встретила впервые надзирательницу, о которой многие говорили после освобождения – женщину лет 30–35 с длинными волосами по имени Кристина или Карина.

«*Очень жесткая,* – рассказала Алена. – *Разговаривает матом, обзывала лично меня самыми грязными ругательствами. Спрашивала у женщин: “Домитинговались?” Толкала меня в спину, заставляла сильно наклоняться, голую заставляла приседать, вырвала стельки из кроссовок. Девочки в камере рассказывали, что именно она заставляла женщин, у которых были критические дни, срывать гигиенические прокладки, якобы для того, чтобы убедиться, что под ними ничего не пронесли.*

Средств гигиены в этих условиях негде было взять. Одна девушка разорвала свою накидку и раздала куски ткани женщинам, у которых были критические дни. Надолго ткани не хватило, использовали туалетную бумагу. Она тоже закончилась. Потом надзирательница ходила по коридору, отрывала от рулона бумагу и передавала кусок в каждую камеру. У нас была пластиковая бутылка, была вода, мылись, как могли».

Кристина (или Карина) зачем-то выводила женщин из камеры несколько раз и ставила вдоль стены. Если ноги расставлены недостаточно широко, она подходила и била ногами по внутренней части голени со словами: «Сука, расставь ноги шире».

«*И одна женщина, у которой были критические дни, говорит этой Кристине, что не может*

Люди стоят в очереди на Окрестина с передачами для родных, которых задержали 23 сентября в Минске

расставить ноги, что у нее менструация, а та бьет ее по ногам со словами, что это не мешает ноги широко расставлять. Ну, вы понимаете, падают самодельные прокладки на пол… В камере стояла страшная вонь, но на третьи сутки мы обсуждали, что перестали ее замечать. Кристина (Карина) била меня ногой в живот. Требовала на широко расставленных ногах с руками за спиной сильно нагнуться вниз. Если, по ее мнению, наклоняешься недостаточно низко, била по спине».

После суда, где Дубовик отказалась подписывать, будто ее взяли возле ТЦ «Рига», надзирательница вывела в коридор и начала бить – «*коленом в живот с матерными словами, синонимы которых я не могу найти в литературном языке. Суть была в том, что она была недовольна моей несговорчивостью*».

Именно эта женщина после первого досмотра в ЦИП вытолкнула Дубовик в коридор в одном бюстгальтере и незастегнутых штанах. Там сидели голые мужчины на коленях лбом в стену, руки за спиной. А на стенах пятна крови, капли крови на полу. Где-то кто-то кричал, кто-то стонал, надзиратели орали.

Когда в ЦИП Алена Дубовик пыталась сказать, что Кристине Витушко плохо, у нее диабет, она жена известного врача, мне кто-то ответил, что «*жены известных врачей с сахарным диабетом по митингам не шляются*».

10 августа в камере сначала было пятнадцать человек на четыре спальных места в камере площадью десять квадратных метров, затем в течение ночи стало тридцать: «*Позже мы поняли, что тридцать человек в такой камере – это курорт. На нарах можно лечь по два-три человека, под нарами можно лечь, под столом, на столе, кто-то тумбочку использовал. Одеяла и подушки (четыре на всех) расстилались на пол, и люди укладывались штабелями. Однако когда в один из дней привели женщин из других камер, и нас было больше пятидесяти, тогда даже сесть всем было невозможно – многие стояли. Мы просили открыть окошко в камере, через которое еду передают. Некоторые надзиратели открывали, некоторые говорили: "Не подохнете"*».

Задержанных ночью 10 августа первый раз покормили 12 августа утром, затем утром 13-го. Получается, раз в сутки.

«*Всем было тяжело, но особенно страдала Кристина Витушко,* – рассказала Алена Дубовик. – *Ее довели до состояния, когда инсулин был не нужен – для поднятия сахара надо было что-то съесть. И мы через окошко (когда еду еще не приносили) начали просить кусок хлеба для нее у какой-то работницы. Может, это была кухонная рабочая, может, повар. Она говорила, мол, если бы могла, всех накормила. Я ей объясняла, что всех не надо, надо кусок хлеба дать одному человеку. Она отвечала, что ее накажут, но принесла полбуханки хлеба, и тогда Кристина поела*».

Освободили Алену Дубовик **13 августа вечером.**

«Я поняла, что нам досталось, но такого, как у мужчин, которых избивали дубинками, не было. Была женщина с распухшей ногой, ей никто не вызывал скорую. Я считаю, что очень пострадала Кристина Витушко. Со мной было бы все хорошо, если бы надзирательница не била меня ногой в живот.

Мне стало плохо 14 августа дома, я чуть ли не упала в обморок, меня подхватил муж. Он меня отвез в поликлинику, откуда меня отправили в 5-ю больницу в гинекологическое отделение. Там решили, что нет разрыва яичника, который подозревали, отправили в Минскую больницу скорой медицинской помощи. У меня есть проблемы со здоровьем, которые связаны с побоями, отсутствием нормальной воды и питания».

Еще будучи в больнице Алена Дубовик написала заявление в Ленинский РОВД Минска (по месту прописки) по поводу произошедшего с ней, и документ туда доставили. Затем написала жалобу в Следственный комитет. Женщина говорит, что ее цель – привлечь к ответственности виновных с помощью законных методов.

«Я за решение вопроса только законным путем и настроена и дальше сделать всё, чтобы привлечь к ответственности, используя все законные методы, женщину-надзирательницу, которая сделала жизнь задержанных невыносимой. Изначально я испугалась своих чувств к этой женщине, я была поглощена ненавистью, которой не испытывала никогда. Теперь я хочу одного – чтобы она понесла наказание и не имела больше доступа к работе с людьми. Она должна сесть», – сказала журналистка.

При этом она возмущается случаями, когда распространяют изображения женщин – работников МВД и приписывают им преступления. Она считает неправильным травлю людей и призывает не опускаться до суда Линча.

Урок румынского

Александр ДУБРАВИН
«А» № 1 (88) 2011 г.

Я был в Румынии во времена заката эпохи Николае Чаушеску. Многие детали того путешествия со временем забылись, осталось главное. Помню, что поразили не красота пейзажей и архитектура Бухареста, а мрачная атмосфера глухой вражды и неволи, разлитая, казалось, в самом обществе.

Чья страна?

Толстые решетки или тяжелые ставни на окнах, темные улицы, освещаемые лишь фарами автомобилей, угрюмые, исподлобья взгляды прохожих, полицейские патрули на перекрестках, вооруженные автоматами, с овчарками на длинных поводках, помпезный и безжизненный Дворец правителя, похожий на гигантский бетонный бункер, возвышающийся на огромной пустой площади, охраняемой на далеких подступах многочисленными людьми в штатском…

Это была атмосфера несчастья, прелюдия перед тяжелейшей кровавой драмой в масштабах Европы.

Я вернулся домой и вспоминал о Румынии редко, но всегда с чувством превосходства. Конечно же, думал я по

своей наивности и молодости, такое невозможно представить у нас в Беларуси, где народ открытый и простой, а люди в руководстве хоть и себе на уме, хитрые да прижимистые, но зато добрые и неконфликтные. ДОБРЫЕ. Нет, у нас ТАКОЕ невозможно.

А ведь учил историю и знал, что каким-то образом в мире все время повторяется старая песня: группа людей или даже один человек получают неограниченную власть и начинают творить кровавый произвол, приводят свой народ и свою страну к полному крушению. Знал, что неограниченная власть – власть палачей, какими бы словами они ни прикрывали свои амбиции.

Вообще-то любая власть – это стремление к произволу. Это ее закон и природа. Она может лукавить, маскироваться, притворяться, заигрывать с народом, но, если она в самой основе своей не ограничена – ни сроком, ни законом, ни институтами, – кто бы ни владел ею и какие бы идеи он ни провозглашал, власть кончает тем, что возводит в норму отношение к человеку как к материалу, страну считает своей добычей и рано или поздно устраивает террор.

Чаушеску залил страну кровью, его самого без суда и следствия расстреляли его же охранники, бросили тело всесильного деспота на помойку. Прошли годы. Румыния хоть и стала свободной европейской страной, но до сих пор не может прийти в себя, словно куст экзотического растения, пострадавший от сибирского мороза. А я пишу о своей Беларуси, где у власти теперь люди непримиримые и конфликтные, где общество, как анчар ядом, медленно, но верно наливается ненавистью. И я вдруг ловлю себя на мысли, что завидую румынам, у которых ЭТО уже позади.

Если бы нашу страну захватил враг, он прибрал бы к рукам все: промышленность, сельское хозяйство, торговлю, экспорт и импорт, средства массовой информации, бизнес, образование, науку и т.д. Запретил бы использование национальных символов. Создал бы мощный полицейский, пропагандистский и репрессивный аппарат, а вместо парламента и профсоюзов – марионеточные структуры, безвольные и бесправные. Издавал бы распоряжения вместо законов, назначал бы судей, полицейских начальников, банкиров, министров и наместников в провинциях. Превратил бы журналистику в пропаганду, чтобы с утра до ночи промывала населению мозги. Ввел бы негласную и гласную цензуру. Переписал бы на свой лад историю, стал бы вытеснять из обихода и образования белорусский язык и душить национальную культуру, предлагая взамен дешевый эрзац из глупых песенок, побасенок, книжонок.

Враг разделил бы граждан страны на плохих и хороших и стал бы их стравливать друг с другом, непомерно льстя одним, оскорбляя и унижая других. Освободил бы от наказания за преступления своих друзей, приятелей, соратников, сторонников. Он стал бы расправляться с неугодными любыми способами и приемами, ограниченными лишь его фантазией, разжигая в людях самые низменные страсти, насаждая в обществе страх, атмосферу вражды и неволи. Безумная радость унижать и уничтожать тех, кто выше и лучше тебя, – это неутолимая страсть, которая ведет людей в никуда.

Мы выросли с ощущением причастности ко всему, что происходит вокруг. Нам больно видеть деградацию своей страны. Мы выходим на площадь и скандируем: «Жыве Беларусь!» Нас хватают на улице люди в черном, жестоко избивают, тащат сначала в автозаки, затем в суды, затем на нары.

Так чья же это страна? Кому она принадлежит?

Выходит, тот, кто сейчас у власти, не хочет, чтобы она жила, наша Беларусь. Он хочет ее заменить на что-то иное, на какой-то уже ясно ощущаемый эрзац, в котором нет места совести и чести, добру и справедливости. Нет места самой Беларуси.

Вот он какой

Чего мы сегодня, после Площади 19 декабря, имеем в избытке – так это насилия. Циничное, наглое, демонстративное пренебрежение правами человека, презрение к демократии, к закону, агрессивная государственная идеология, корпоративная мораль – все это утверждается решительно, упрямо, неотвратимо, словно некий инфернальный субъект пробует свои силы, укрепляясь во зле именно здесь, на этой земле. Словно уже пройдена точка невозврата, когда нужно было маскировать свою страсть к абсолютной власти и заключать ее в оболочку пристойности, облекать в благодушные словеса и тренькать на струнах сентиментальности. В эту морозную ночь мы словно перешли Рубикон.

Перебирая на чердаке старые книги, обнаружил хорошо сохранившийся томик «Молодой гвардии» Александра Фадеева. Люди старой закалки и советской школы отлично помнят этот роман, классический образец патриотического произведения в рамках так называемого социалистического реализма. Открыл книгу наугад и словно прочел свои нынешние мысли, точно изложенные Фадеевым во второй половине сороковых прошлого

века: «Юноше, вступающему в борьбу, она предстает в мечтах как беспрерывный ряд подвигов против насилия и зла. Но зло оказалось неуловимым и каким-то невыносимо, мерзко будничным».

«Люди, будьте бдительны!» – писал перед смертью в гитлеровских застенках чешский публицист Юлиус Фучик в своем «Репортаже с петлей на шее», имея в виду незаметность и будничность, с какими приходит в жизнь людей насилие, его лицемерие и подлость, мимикрию и невероятный цинизм.

Исподволь, постепенно насилие приходит в нашу жизнь. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой, наглея от безнаказанности и вседозволенности, воодушевляясь нашей нерешительностью, возбуждаясь от своих успехов и наших поражений, маскируясь под добродетели. Продажная бюрократия ведет его за собой, как бычка на веревочке.

Вчера у вас, скажем, были права. Сегодня эти права за вами остались, но лишь формально, потому что теперь они ограничены некими циркулярами, поправками, дополнениями, принятыми кем-то единолично или в узком кругу, без обсуждения и гласности. Конечно же, с самыми благими намерениями. Например, в Конституции записано: «Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы», – а признавать их противоречащими некому, кроме того, кто сам их написал и утвердил. Получается, что гражданин вышел на митинг в полном соответствии с Конституцией, которая гласит: «Свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь, гарантируется государством». А его бьют, бросают в тюрьму, выгоняют из вуза или увольняют с работы, потому что и на это есть у власти ответ: «Порядок проведения указанных мероприятий определяется законом». Ну а законы о порядках проведения пишутся и утверждаются теми, кому демонстрации – кость в горле.

Вот так лукаво государственное насилие приходит в нашу жизнь и начинает ее выгибать по своим лекалам, прилагая к непокорным все большую и большую силу. Вначале эпизоды, потом – система. Вначале милицейский газик или «Волга» госбезопасности, затем автозак – душегубка на колесах. Вначале пятнадцать суток, затем – пятнадцать лет. Вначале стена во дворе изолятора временного содержания, затем – стена в подвале, залитом кровью…

Все это обязательно с градусом усиления, все по нарастающей. Вот вам и вектор дальнейшего развития.

Конечно, если сейчас организовать концлагеря в Беларуси – будет шок. Нужны лукавая постепенность, переход на новый уровень, еще выше по конвейеру жестокости и наглости. Можно и концлагеря назвать как-нибудь благозвучно. Например, «места для содержания протестного элемента».

Вначале будет шок, потом – привыкание. Помните, нас уже многое шокировало раньше, и ко всему мы уже привыкли.

Нежелательные параллели

Если, например, завтра правитель объявит о подготовке пилотируемого полета на Марс с космодрома в Барановичах – что будет? Правильно, в работу немедленно включатся пропагандисты. Телевидение обрушит на головы граждан массу аргументов «за», благоразумно умалчивая о доводах «против». Правительство будет искать и найдет деньги, отнимая их у пенсионеров, здравоохранения и культуры, получая кредиты, займы и выпуская облигации. Армия совместно с Академией наук представит поэтапный план подготовки к полету. В Барановичах начнут ровнять почву под космодром. Начнется набор в космонавты…

Признайтесь, вам ведь уже не смешно. Эта ситуация настолько реальна, что не вызывает отторжения. Мы привыкли к безумным идеям и знаем, что ничто не сможет помешать абсурду, если так захочет «самый главный».

А что, если он захочет проверить на практике модель строительства «мощной Германии»

тридцатых годов или опыт Иосифа Сталина того же периода? Будет ли проект осуществляться вопреки нашим представлениям, времени, здравому смыслу, возмущению общественности, протестам населения?

Будет.

Именно поэтому брутальный разгон мирной протестной демонстрации 19 декабря, избиения, издевательства, аресты кандидатов в президенты и демократических активистов, нескончаемая череда допросов, «чисток» и обысков, невероятная ложь государственных средств массовой информации, да и сами «выборы» выглядят сегодня новым, неизбежным и очень опасным синдромом усиления государственного насилия. Ведь противостоять этому произволу мирными, цивилизованными, законными средствами общество уже не может. Закон во всех его проявлениях показательно и назидательно растоптан. Следующий этап – открытая конфронтация общества и власти.

Выяснилось, что для проведения репрессивной внутренней политики есть не только ясно ощутимое стремление в верхах, но и созрели исполнители в низах. Мы ведь снисходительно усмехались, наблюдая по телевизору, как молодые белорусские парни крошат головами кирпичи и пенобетон. Тот, кто отбил собственную голову, никогда не будет ценить голову другого человека. Тот, кто «воспитан» бить по голове, никогда не будет терзаться муками совести.

Интернет наполнен свидетельствами невероятной, патологической жестокости «правоохранителей». Вот спецназовец в пестром камуфляже резиновой палкой избивает девушку, а потом ударом тяжелого ботинка ломает ей ногу. Вот группа неизвестных в штатском волчьей стаей набросилась на лежащего без движения человека и бьет его по ребрам.

Зачем? Затем, что это – государственный террор, а не случайные эпизоды, как мы себя сейчас успокаиваем. Это логическое продолжение направления, взятого в 1994 году, – на получение абсолютной власти над страной. Уже взращены «поддержатели курса», хотя для многих из них нынешние дела – пока только первые, пробные поиски и находки, зондирование общественной чувствительности, преодоление собственной робости, несогласованности и неуверенности. Некоторые исполнители пока еще утверждаются во зле, убивают свою совесть, впервые так явно топчут закон и мораль. Чтобы совести не было больно, нужно ведь какое-то время.

Зняў,

Барыс ВЫРВІЧ, Магілёў

Такую немудрагелістую тактыку рэпрэсій у дачыненні да магілёўскіх журналістаў упадабалі тутэйшыя сілавікі. І робяць яны гэта нахабна, адкрыта. Пачуццё беспакаранасці засціла ім вочы, ушчэнт выпаліла службовы абавязак «бараніць правы, свабоды і законныя інтарэсы грамадзян…» (з прысягі супрацоўнікаў беларускай міліцыі).

Гэта не ціск, а тэрор

Мясцовыя ўлады і супрацоўнікі праваахоўных органаў шмат гадоў чыняць перашкоды ды абмяжоўваюць доступ да інфармацыі. Вялізныя штрафы быццам бы за парушэнне ч. 2 арт. 22.9 КоАП Рэспублікі Беларусь (незаконны выраб прадукцыі СМІ) даўно сталі непрыемным «дадаткам» да дзейнасці журналістаў.

Аднак у 2020 годзе мясцовыя праваахоўнікі скокнулі вышэй за галаву – пачаліся затрыманні і арышты. Хачу зазначыць, што тэрор у дачыненні да журналістаў пачаўся на Магілёўшчыне нашмат раней, чым у сталіцы.

напісаў – у турму

У траўні гэтага года пад раздачу патрапіў цэлы шэраг сябраў тутэйшай бажаўскай суполкі. Пачалося з таго, што 5 траўня магіляўчане не далі супрацоўнікам міліцыі затрымаць аднаго з прыхільнікаў блогера Сяргея Ціханоўскага (блог «Страна для жизни»). А 6 траўня гараджане ўжо прыйшлі да ізалятара часовага ўтрымання (ІЧУ), каб выказаць падтрымку самому Ціханоўскаму.

Неўзабаве ўсіх журналістаў, якія асвятлялі гэтыя падзеі, затрымалі. Абвінавацілі ў парушэнні арт. 22.34 КоАП Рэспублікі Беларусь (удзел у несанкцыянаваным масавым мерапрыемстве) і згодна з рашэннем судоў пакаралі суткамі адміністрацыйнага арышту. Суддзяў абсалютна не цікавіла, што ніхто з журналістаў не ўдзельнічаў у грамадзянскіх акцыях, яны ўсяго толькі выконвалі сваю працу. Аднак сведчанні ў абарону фрылансераў суд да ўвагі не прымаў.

Журналісты Бураковы (старэйшы і малодшы, гэта родныя дзядзька і пляменнік) атрымалі па 10 сутак арышту. Столькі ж атрымаў і карэспандэнт інфармацыйнага агенцтва БелаПАН Алесь Асіпцоў, які за кратамі трымаў галадоўку.

Відэааператара Міхаіла Аршынскага, які вёў стрым з абодвух акцый, судзілі двойчы і пасадзілі на 21 суткі.

Звар'яцеласць праваахоўных органаў у Магілёве напярэдадні прэзідэнцкіх выбараў проста зашкальвала. А ў дзень выбараў, 9 жніўня, незалежных журналістаў сталі затрымліваць і кідаць за краты пасля наўмысна спланаваных правакацый.

Дзікі выпадак адбыўся з карэспандэнтам шэрагу інфармацыйных выданняў, у тым ліку і DW, Аляксандрам Бураковым-старэйшым. Вечарам 5 жніўня Буракова затрымалі супрацоўнікі ДАІ і па надуманых прычынах прывезлі ў Ленінскі РАУС Магілёва. А калі праз некалькі гадзін журналіст выходзіў з пастарунка (прычым яго суправаджалі аж чацвёра супрацоўнікаў міліцыі), невядомая жанчына з лямантам кінулася яму пад ногі. Супрацоўнікі Ленінскага РАУС тут жа затрымалі Буракова і склалі на яго адміністрацыйны пратакол за дробнае хуліганства (арт. 17.1 КоАП).

Суд Ленінскага раёна Магілёва 7 жніўня на падставе гэтага пратакола пакараў Буракова дзесяццю суткамі арышту.

Жанчыну, якая быццам бы «пацярпела», суд запрашаць адмовіўся, спаслаўшыся на тое, што яна нібыта з'ехала ў Расію.

У судзе Аляксандр Буракоў не пагадзіўся з абвінавачаннямі і тлумачыў, што гэта была правакацыя. Сведкі гэтага брыдкага спектакля сцвярджалі тое самае. Аднак паказанні намесніка начальніка ААПП Ленінскага РАУС Магілёва Паўла Башарымава мелі для суда большую вагу.

«Сляпая» Феміда

Пасля адбыцця адміністрацыйнага арышту журналіст удакладніў некаторыя акалічнасці свайго затрымання. Высветлілася, што жанчына, якая напісала заяву (Вікторыя Васільеўна Васількова), указала адрасам пражывання гасцініцу «Магілёў», але ж прапісацца ў гасцініцы паводле закона немагчыма!

Васількова заявіла, што з'яўляецца нараджэнкай горада Краснадар і грамадзянкай Расіі. Гэта значыць, маёр міліцыі Дзмітрый Гоманаў, які складаў пратакол, нават не пацікавіўся пашпартам замежнай грамадзянкі.

Таксама ў заяве было ўказана несапраўднае месца працы: Васількова ўказала, што працуе ў ТАА «Армтэк».

Высветлілася, што «Армтэк» – гэта таварны знак групы кампаній. Насамарэч такога ТАА (таварыства з абмежаванай адказнасцю) няма. Гэтая гандлёвая марка належыць ТАА «Еўразапчастка», а кіруючай кампаніяй з'яўляецца ТАА «Альфа Мотарс».

У офісе «Армтэк» паведамілі, што такой супрацоўніцы ў іх няма.

Апроч усяго даты, названыя ў дакументах, паказваюць на заказны характар дзеянняў гэтай грамадзянкі. Вікторыя Васількова вечарам 5 жніўня напісала на адрас суда Ленінскага раёна Магілёва заяву, каб разгляд справы ў дачыненні да Буракова прайшоў без яе прысутнасці, бо яна з’язджае ў Расію. Але на той момант на Буракова яшчэ не было складзена ніякага пратакола і абвінавачанне не было прад’яўленае. Гэта значыць, тэарэтычна Вікторыя Васількова не магла ведаць, ці будзе суд у прынцыпе. Пратакол аб адміністрацыйным затрыманні быў складзены на журналіста толькі 6 жніўня.

Аляксандр Буракоў лічыць, што ўсе гэтыя факты яскрава сведчаць пра тое, што адміністрацыйная справа ў дачыненні да яго ад самага пачатку была ініцыянаваная і сфальсіфікаваная супрацоўнікамі Ленінскага РАУС Магілёва.

Тым часам беларуская Феміда робіць прыстойны выгляд, быццам бы не бачыць ілжывых паказанняў ды правакацый.

Яшчэ адно паскудства супраць журналіста зладзілі ў той жа дзень, 5 жніўня, у тым жа самым Ленінскім РАУСе. Чалец юрыдычнай службы ГА «БАЖ» журналіст Уладзімір Лапцэвіч прыехаў у пастарунак, каб даведацца, што адбываецца з затрыманым Бураковым. Там журналіст напісаў скаргу на дзеянні супрацоўнікаў міліцыі ў Кнігу заўваг і прапаноў РАУС. Праз гадзіну яго выклікалі нібыта па ягонай скарзе, пасля чаго Лапцэвіч з пастарунка ўжо не выйшаў.

Вось што ён распавёў на судзе:

«Увечары 5 жніўня я напісаў скаргу. Мяне запрасілі ў РАУС для апытання. Я доўга чакаў, мяне ніхто не апытваў. Я вырашыў сысці, але мяне затрымалі.

Сілай зацягнулі назад у кабінет, пагражалі. Закруцілі рукі і надзелі кайданкі. У мяне сіняк на руцэ. Ударылі галавой аб падлогу. Пагражалі “ластачкай”.

Я патрабаваў адваката. Прычыну майго затрымання не назвалі. Сям’і пра затрыманне не паведамілі. Пратакол не прад’яўлялі. Супрацьзаконныя дзеянні вымусілі мяне аб’явіць галадоўку».

Суддзя Алена Літвіна пакарала Лапцэвіча 12 суткамі арышту. Яго прызналі вінаватым у непадпарадкаванні супрацоўнікам міліцыі, пры гэтым суддзя не захацела выслухаць сведкаў. Увесь тэрмін адбыцця пакарання журналіст трымаў галадоўку.

Перадвыбарчая зачыстка Магілёва ад незалежных журналістаў на гэтым не спынілася. 6 жніўня невядомыя асобы ў масках каля будынка суда затрымалі і завалаклі ў мікрааўтобус рэдактара праваабарончага сайта *mspring.online* Аляксандра Буракова-малодшага. Калегі журналіста падалі ў міліцыю заяву аб яго выкраданні, аднак магілёўскія міліцыянты не паведамілі, дзе ён знаходзіцца. Неўзабаве суддзя Наталля Панасенка пакарала Буракова-малодшага 10 суткамі адміністрацыйнага арышту нібыта за ўдзел у несанкцыянаваным пікеце.

Напярэдадні выбараў, 8 жніўня, быў затрыманы галоўны рэдактар інтэрнэт-партала «Магілёўскі рэгіён» Зміцер Салаўёў. Журналіст вяртаўся з працы, калі яго аўтамабіль спынілі супрацоўнікі ДАІ. У іх знянацку з’явілася «падазрэнне», што аўтамабіль Змітра знаходзіцца ў вышуку, таму яго даставілі ў Ленінскі РАУС Магілёва. Там журналіста абвінавацілі ўжо ў непадпарадкаванні супрацоўнікам міліцыі і адправілі ў ізалятар часовага ўтрымання Магілёўскага аблвыканкама. На знак пратэсту супраць незаконнага затрымання Салаўёў аб’явіў галадоўку.

Суд Ленінскага раёна Магілёва 11 жніўня пакараў журналіста 8 суткамі арышту. Суд над Салаўёвым адбываўся ў будынку Магілёўскага ІЧУ. Гэта рэжымная ўстанова, таму на судовае паседжанне не пусцілі не толькі журналістаў, але і яго жонку Надзею Салаўёву.

Вечарам 11 жніўня перасталі адказваць на тэлефанаванні магілёўскія фрылансеры Аліна Скрабунова і Аляксандр Сідарэўскі. Пасля працяглых пошукаў толькі на наступны дзень удалося высветліць, што журналісты знаходзяцца ў ІЧУ ў Магілёве. 14 жніўня, калі ў Мінску затрыманых ужо адпускалі, у тым жа будынку ІЧУ суд Кастрычніцкага раёна Магілёва пакараў журналістаў 8 суткамі арышту за парушэнне ч. 1 арт. 23.34 КоАП (удзел у несанкцыянаваным масавым мерапрыемстве).

У Магілёве, як і ў іншых гарадах Беларусі, тэрор супраць журналістаў незалежных СМІ практычна не спыняецца.

Ужо 24 жніўня міліцыя затрымала Уладзіміра Лапцэвіча, калі журналіст праводзіў здымкі адзіночнага пікета на плошчы каля будынка Магілёўскага аблвыканкама. Лапцэвіча адпусцілі толькі пасля таго, як у яго сур'ёзна падвысіўся артэрыяльны ціск, што прымусіла выклікаць хуткую дапамогу.

Карэспандэнта інтэрнэт-партала «Магілёўскі рэгіён» Алеся Сабалеўскага 30 жніўня супрацоўнікі міліцыі жорстка затрымалі, калі ён рабіў стрым з «Маршу міру і незалежнасці» у Магілёве. Пасля гэтага больш за суткі мы не маглі даведацца, дзе знаходзіцца наш калега. Ніякага плёну не прынеслі ні заявы ў міліцыю, ні скаргі ў пракуратуру.

Суддзя Ленінскага раёна Магілёва Вікторыя Палякова 1 верасня пакарала Алеся Сабалеўскага 8 суткамі арышту за парушэнне ч. 1 арт. 23.34 КоАП (удзел у несанкцыянаваным масавым мерапрыемстве).

У пастанове суда было пазначана, што Сабалеўскі вёў анлайн-трансляцыю з маршу, а гэта, маўляў, сведчыць пра яго актыўны ўдзел у недазволеным мерапрыемстве.

Журналіст, абураны перадузятым стаўленнем суддзі, на знак пратэсту прама ў зале суда абвясціў галадоўку.

Што далей

А далей мы будзем выконваць свае абавязкі і даносіць да людзей праўдзівую інфармацыю. Бо апошнія падзеі – затрыманні і зверскае збіццё мірных дэманстрантаў сілавікамі, адпраўка ў турму апанентаў правячага рэжыму –яшчэ больш абвастрылі ў грамадстве пачуццё справядлівасці і прагу да непадцэнзурнай інфармацыі.

Так, супраць нас выступаюць ілжэсведкі ў пагонах, нас кідаюць за краты, нам пагражаюць. Але ж нягледзячы на прававое цемрашальства, магілёўскія бажаўцы глядзяць у будычыню з аптымізмам. За 25 гадоў свайго існавання Беларуская асацыяцыя журналістаў заваявала давер і даказала сваю прыхільнасць дэмакратычным каштоўнасцям, адной з якіх з'яўляецца свабода слова. Мы адчуваем падтрымку калег і самі заўсёды гатовыя да салідарнасці ў адстойванні права пісаць і перадаваць інфармацыю свабодна.

За намі Праўда.

І яна пераможа беззаконне і цемрашальства, што пануюць сёння ў нашай краіне.

Фота Сяргея Балая

Жанна Літвіна: Апошнія 25 гадоў – гэта хроніка супрацьстаяння

Беларуская асацыяцыя журналістаў на «перадавой» з верасня 1995 года. Увесь гэты час яна адстойвае правы журналістаў. Адсюль вынікае, што разам з тым – і канстытуцыйнае права грамадзян Беларусі на атрыманне праўдзівай інфармацыі.

Шмат гадоў грамадскую арганізацыю ўзначальвала Жанна Літвіна.

– Жанна Мікалаеўна, давайце прыгадаем, што 25 гадоў таму падштурхнула да стварэння прафесійнай журналісцкай супольнасці?

– У памяці застаўся той дух свабоды, тая атмасфера… Пяць гадоў прайшло пасля прыняцця Дэкларацыі аб незалежнасці Беларусі, мы ўсе былі сведкамі перабудовачных працэсаў. Пачалося стварэнне незалежных дэмакратычных арганізацый, наогул грамадскай супольнасці – гэта было штосьці новае, тое, што захапляла.

Узнікненне БАЖ – гэта адзін з крокаў у адказ на выклікі, што з'явіліся напачатку 1990-х. У 1988-м выйшла першая незалежная грамадска-палітычная газета – «Навіны БНФ». Пасля ўжо па-сапраўднаму пачалі паўставаць рэдакцыі: «Свабода», «Белорусы и рынок», «Биржи и банки – Белорусская деловая газета», «Свободные новости»… У лістападзе 1991 года рэгіструецца першае незалежнае інфармацыйнае агенцтва – БелаПАН. Аднак было

адчуванне, што гэтыя хісткія парасткі свабоднай прэсы трэба будзе бараніць.

Яшчэ да стварэння БАЖ прайшла хваля «белых плямаў» у газетах (калі было забаронена друкаваць даклад Сяргея Антончыка аб карупцыі ў атачэнні Лукашэнкі, і газеты мусілі выйсці з белымі старонкамі замест дакладу. – Аўт.), ужо змянілі па ўказанні першага прэзідэнта рэдактараў газет «Советская Белоруссия», «Знамя Юности» і «Народнай газеты». Мы ўжо мелі досвед жорсткага ўмяшальніцтва ў дзейнасць рэдакцыйных калектываў.

І ў снежні 1994-га, за паўгода да стварэння БАЖ, на сустрэчы з маладзёжнымі арганізацыямі і студэнтамі, ад Лукашэнкі прагучала: «З сённяшняга дня ўздзейнічаць на СМІ і ўмешвацца ў іх працу мы будзем вельмі актыўна. Я прыйшоў мінімум на 10 гадоў, і журналістам да гэтага трэба рыхтавацца».

Гэтыя словы прымусілі крытычна паглядзець на сітуацыю, і 38 сузаснавальнікаў БАЖ сабраліся на ўстаноўчы сход.

Шчыра скажу, у мяне не было ніякіх амбітных планаў узначаліць арганізацыю. Але так надарылася, што я на 20 гадоў засталася яе кіраўніком.

Апошнія 25 гадоў – гэта хроніка супрацьстаяння. Наступ на незалежныя медыя і журналістаў ніколі не сціхаў. А сёлетнія падзеі ў краіне напярэдадні прэзідэнцкіх выбараў і пасля іх ў чарговы раз прымушаюць пераконвацца: калі пад уладай пачынае хістацца глеба, яна ўвогуле губляе самакантроль. І прымяняе ўвесь арсенал ціску: пазбаўленне акрэдытацыі вядучых журналістаў, што супрацоўнічаюць з замежнымі СМІ, адмова ў друку і забарона распаўсюду незалежных газет, блакаванне інтэрнэт-выданняў, затрыманні журналістаў, штрафы, суткі адміністрацыйнага арышту… Здаецца, усё гэта мы ўжо праходзілі, але ўсё адно ўспрымаеш такое з болем і трывогай.

– Напачатку асацыяцыя аб’яднала незалежных журналістаў. Аднак сярод сябраў арганізацыі ёсць і супрацоўнікі дзяржаўных СМІ…

– Ад самага пачатку мы фармулявалі прынцыпы сяброўства ў БАЖ, і галоўнае было, каб чалавек падзяляў нашыя каштоўнасці. Яны замацаваныя ў Дэкларацыі прафесійнай этыкі, якую кожны, хто ўступае ў арганізацыю, падпісвае. Супрацоўнікі СМІ ведаюць, што БАЖ змагаецца за правы журналістаў, за свабодны доступ да інфармацыі. І што для гэтага патрэбны і смеласць, і мужнасць, і цвёрды характар. Светапогляд многіх журналістаў апошнім часам нечакана змяніўся, і растаптаць пачуццё іх прафесійнай годнасці цяпер складана.

– БАЖ стваралі 38 чалавек, а цяпер у арганізацыі больш за тысячу супрацоўнікаў СМІ і фрылансераў. Голас вашага грамадскага аб’яднання чуюць ў Мініфармацыі, Палаце прадстаўнікоў. Асацыяцыя займаецца не толькі маральнай і юрыдычнай падтрымкай журналістаў і рэдакцый: ёсць адукацыйныя праграмы, міжнароднае супрацоўніцтва і нават свой часопіс.

– Мне часта даводзілася адказваць на пытанне, чаму ў БАЖы як журналісты, то бок наёмныя работнікі, гэтак і іх працадаўцы – рэдактары: нібыта не вытрымліваецца стандартны падыход для грамадскіх журналісцкіх арганізацый. Я адказвала, што ўсе 25 гадоў пагроза ўсім нам сыходзіць з аднаго боку. Абставіны прымушалі аб’ядноўвацца, быць разам.

Напрыклад, сітуацыя 2002 года, калі пасля чарговай электаральнай кампаніі па крымінальных артыкулах былі асуджаныя рэдактары Віктар Івашкевіч і Мікола Маркевіч, а таксама журналіст Павел Мажэйка. Тады кіраўнікі рэдакцый станавіліся ахвярамі ціску дзяржавы ці не больш, чым журналісты.

Светапогляд многіх журналістаў нечакана змяніўся, і растаптаць пачуццё іх прафесійнай годнасці цяпер складана.

Шмат было дыскусій, ці не час БАЖу ператварацца ў чысты прафсаюз. Я вельмі асцярожна стаўлюся да гэтага. Я нічога не маю супраць такой формы аб’ядання, але не веру, што сёння ўлада зарэгіструе незалежны прафсаюз, тым больш калі гэта будзе рэфармаванне БАЖ. Відавочна, што ўсё будзе зроблена, каб не толькі не зарэгістраваць прафсаюз, але і ў гэты момант зруйнаваць тое, што было напрацавана.

З іншага боку, прафсаюзы аб’ядноўваюць наёмных работнікаў. А як тады быць з нашымі калегамі, якія ўвесь гэты час мужна ўтрымлівалі рэдакцыі? Возьмем таго ж Іосіфа Паўлавіча Сярэдзіча – самабытная і таленавітая фігура, ён шмат гадоў утрымлівае «Народную Волю» і змагаецца не на жыццё, а на смерць і за рэдакцыю, і за сваё выданне!

І калі мы адстойваем свае прафесійныя правы, як бы гэта пафасна ні гучала, разам з тым мы

Фота з уласнага архіву

адстойваем і канстытуцыйнае права ўсіх грамадзян Беларусі на атрыманне праўдзівай інфармацыі.

> БАЖ змагаецца за правы журналістаў, за доступ да інфармацыі. Для гэтага патрэбны і смеласць, і мужнасць, і цвёрды характар.

– Адной з прыкметаў таго, што арганізацыя адбылася, мне падаецца, ёсць тое, што ўзнікаюць іншыя арганізацыі, падобныя на БАЖ. Адносна нядаўна, напрыклад, паўстаў Прэс-клуб…

– Працэсы стварэння новых структур – з'ява натуральная. Самае галоўнае – не дубляваць дзейнасць адзін аднаго, працы ў нас ва ўсіх хапае. Урэшце, шмат якія сябры Прэс-клуба – гэта тыя ж бажаўцы.

Таксама існуе Асацыяцыя выдаўцоў рэгіянальнай прэсы «Аб'яднаныя МасМедыя», створаная ў 2009 годзе. У нас адныя мэты і адныя пагрозы, якім трэба супрацьстаяць. Нам трэба супрацоўнічаць і дамаўляцца, і можна толькі вітаць любую арганізацыю, якая адпавядае тым задачам, якія ставіць БАЖ – пашырэнне свабоды слова, свабоды выказвання і свабоды распаўсюду інфармацыі.

– Калі ствараўся БАЖ, ці маглі вы падумаць, што ён перарасце ў такую моцную арганізацыю? І ці ёсць патэнцыял для далейшага развіцця?

– У БАЖ ёсць стратэгія развіцця, дзе дакладна сфармуляваныя тры накірункі дзейнасці. Першы – адстойваць права на свабоду выказвання і права на атрыманне інфармацыі. Другі – прафесійнае развіццё і падтрымка журналістаў. Якраз адукацыйныя праграмы я лічу прыярытэтам. Журналіст не абаронены перад уладай, і ўратаваць яго можа толькі высокі прафесійны ўзровень. Трэці накірунак – ўмацаванне арганізацыйнага патэнцыялу. Мы вельмі даражым нашымі рэгіянальнымі філіямі, у нас ёсць 19 рэгіянальных суполак, чатыры з якіх нават зарэгістраваныя афіцыйна.

Калі абмяркоўвалася стратэгія арганізацыі, у выніку было запісана: «Пашыраць прастору свабоды слова праз падтрымку якаснай журналістыкі, якая запатрабаваная ў грамадстве, і праз распаўсюд праўдзівай інфармацыі». І адразу зразумела, куды далей рухацца.

Размаўляў Сяргей Пульша

Кароткая хроніка адных працоўных выхадных

У суботу – нядзелю 12–13 верасня ў Мінску і рэгіёнах адбываліся традыцыйныя паляванні на журналістаў.

Фота Вадзіма Замiроўскага, tut.by

12 верасня, субота

Мінск

Падчас стрыму з акцыі жаночага пратэсту былі затрыманыя журналісты «Белсата» **Кацярына Андрэева** і **Максім Калітоўскі**. Журналістаў адвезлі ў РУУС Кастрычніцкага раёна; у іх забралі тэхніку, пагражалі надзець кайданкі.

Тры дні да суда журналісты ўтрымліваліся за кратамі. У аўторак, 15 верасня, іх судзілі паводле арт. 22.9 (парушэнне закону аб СМІ) і 23.4 КоАП (непадпарадкаванне міліцыі). Справу паводле арт. 23.4 суддзя адправіў на дапрацоўку, а паводле арт. 22.9 прызначыў абодвум журналістам штраф у памеры 50 базавых велічынь.

Днём у цэнтры Мінска затрымалі прадстаўніцу Adami Media Prize **Вольгу Бартлаву**. На журналістку склалі пратакол па арт. 23.34 КоАП, а потым хуткая забрала яе ў шпіталь з гіпертанічным крызам.

Па словах журналіста «Радыё Свабода» **Алеся Пілецкага**, падчас «Жаночага маршу» хтосьці, магчыма аператар RT, спрабаваў забраць у яго тэлефон.

Брэст

У Брэсце да журналістаў **Міланы Харытонавай** і **Алеся Леўчука** дадому міліцыя прыехала, але не трапіла да іх.

Журналісту **Стасу Коршунаву** патэлефанавалі з міліцыі і папярэдзілі, каб ён не ўдзельнічаў у масавых мерапрыемствах.

Па месцы прапіскі кіраўніка Брэсцкай філіі БАЖ **Максіма Хлябца** таксама прыходзіў участковы.

13 верасня, нядзеля

Мінск

Затрымалі і адвезлі ў Кастрычніцкі РУУС карэспандэнта «Белсата» **Арцёма Ляву**. Праз некалькі гадзін яго вызвалілі, пратакол не складалі, але забралі на экспертызу аўтамабіль, ноўтбук і тэлефон.

Таксама была затрыманая галоўная рэдактарка dev.by **Наталля Правалінская**. Яе вызвалілі без пратакола.

Журналіста «Нашай Нівы» **Змітра Панкаўца** затрымалі на вул. Нававіленскай; пасля праверкі дакументаў адпусцілі.

Ля станцыі метро «Пушкінская» амапавец скінуў з парапета фотакарэспандэнта расійскага агенцтва ТАСС **Валерыя Шарыфуліна**. Імаверна, была пашкоджаная тэхніка.

З ужываннем сілы затрымалі журналістку **Таццяну Гаргалык**; адвезлі ў Кастрычніцкі РАУС. На яе склалі пратакол па арт. 23.34 КоАП і вызвалілі.

Позна вечарам у кавярні «1067» на вул. Раманаўская Слабада былі затрыманыя фатографы **Аляксандр Васюковіч** і **Уладзь Грыдзін**. Таксама быў затрыманы прэс-сакратар ЗБС «Бацькаўшчына» **Сяргей Кандраценка.** Журналісты былі з бэйджамі, рыхтавалі фотаматэр’ялы для сваіх рэдакцый.

Да суда, які адбыўся 16 верасня, Васюковіч і Грыдзін знаходзіліся ў ІЧУ на Акрэсціна. Яны прызнаныя вінаватымі ў парушэньні парадка арганізацыі і правядзення масавых мерапрыемстваў; абодва асуджаныя на 11 сутак арышту.

Магілёў

Затрыманы журналіст **Алесь Сабалеўскі**. Перад гэтым, акурат на тыдні, яго вызвалілі з ізалятара, дзе ён адбываў восем сутак адміністрацыйнага арышту, падчас якога трымаў галадоўку на знак пратэсту.

Цяпер журналіст правёў у ізалятары тры дні, пасля чаго суддзя вызваліла яго і накіравала справу на дапрацоўку.

«Я б цябе забіў. Такіх трэба забіваць»

Журналіст з Горадні расказаў, як падчас пратэстаў яму зламалі рукі.

Крыніца: Svaboda.org

Журналіста з Горадні Руслана Кулевіча затрымалі 11 жніўня разам з жонкай Таццянай у цэнтры горада. Руслану зламалі абедзве рукі і асудзілі на сем дзён арышту. Пасля вызвалення сужэнцаў пачалі цкаваць і пераследаваць.

Руслан Кулевіч – вядомы гарадзенскі журналіст партала Hrodna.Life і аўтар кніг па гісторыі Горадні. Увечары 11 жніўня Руслан з жонкай паехалі на роварах асвятляць вулічныя пратэсты ў цэнтры горада. Іх затрымалі ў краме. Журналіст быў у сіняй камізэльцы з надпісам «Прэса». Затрымлівалі хлопцы ў чорным адзенні і чорных балаклавах.

Далей гісторыю расказвае Руслан Кулевіч.

– Я нават не мог дапусціць, што мяне затрымаюць… Крыўдна, што разам з жонкай. Я перажываў больш не за сябе, а за яе. Было негалоснае правіла ў амапаўцаў: Кулевіча не чапаць. Бо ў мяне была дамова з камандзірам АМАПу. Ён да мяне падыходзіў за некалькі дзён да выбараў і сказаў: «Ты ведаеш маіх хлопцаў. Не фатаграфуй іх бяз справы». Я кажу: «Толькі пры затрыманні». Многія

На этой машине задерживали Руслана Кулевича. Фото сделано за несколько секунд до задержания

амапаўцы мяне ведалі. Былі выпадкі, калі яны куплялі мае кнігі і прыходзілі, каб я распісаўся.

Калі нас накрывалі, я крычу: «Я журналіст! Калі ласка, не чапайце жонку. Ён крычыць: «Прозвішча?» Я кажу: «Кулевіч». А ён: «Вось ты і папаўся. Атрымлівай! Праз такіх журналістаў, як вы, у краіне вайна. Я б цябе забіў. Такіх трэба забіваць».

Я думаў, мяне правераць і адпусьцяць. Але не. Пару разоў мяне ўдарылі дручком. Я памятаю, што закрываўся ад дручка. Нас загрузілі ў аўтазак. Там я паспеў патэлефанаваць мэру горада Мечыславу Гою і сказаў: «Мечыслаў Браніслававіч, вы мяне ведаеце. Вы ведаеце, што я журналіст, аўтар кніг». Ён сказаў: «Навошта ты туды палез?» Я думаў, ён прыедзе ў ізалятар і разбярэцца. Ён не прыехаў, кіраўніцтва міліцыі не прыехала.

Калі нас прывезлі ў ІЧУ, пачалі выгружаць. Было два шэрагі супрацоўнікаў – «калідор пекла». Хлопцаў праводзілі праз гэты калідор, асабліва пазначаных. Я быў пазначаны, бо быў у камізэльцы.

Я памятаю вельмі цьмяна: або я прытомнасць страціў, або мне нагу выкруцілі, бо ластаўку хацелі рабіць. Я крычаў: «Асцярожна, нага баліць». І не забываўся пра жонку, крычаў пра жонку. Калі чалавека праводзілі праз калідор, кожны стараўся яго нечым ударыць – рукой, дручком. Былі і жанчыны-супрацоўніцы [міліцыі].

Пасля гэтага калідору не краналі, было больш-менш стаўленне. Мяне пацягнулі па асфальце. Я не мог ісці, бо нага балела. Яны кажуць: «Ідзі далей сам». Я кажу: «Я не магу ісці». Прыўзняўся і сказаў: «Хлопцы, я журналіст Руслан Кулевіч. Пішу для гарадзенскіх выданняў з 2013 году. Я аўтар кніг аб гісторыі гораду. Дапамажыце мне хто-небудзь». Выйшлі два ці тры супрацоўнікі і павялі мяне пад рукі. Астатнія смяяліся: «Рэпартэр нарэшце папаўся. Напісаўся, нафоткаўся. Больш ты не будзеш гэтага рабіць».

Далей мяне павялі на допыт. Я кажу: «Пазваніце ў прэс-службу УУС». Пералічыў яму ўсіх супрацоўнікаў, якія хоць калі мне давалі камэнтар. Але

Руслан Кулевич и читатель, который нарисовал рисунок

не пазванілі. Потым ішоў намесьнік начальнік РАУС Кастрычніцкага раёну Горадні. Ён мяне пазнаў, пазваніў прэс-сакратару УУС Яўгену Дудко, але той быў недасяжны.

Я яго папрасіў дапамагчы маёй жонцы, бо ёй было цяжка. Таня абмачылася пры затрыманні. Тут няма нічога такога. Многія дарослыя хлопцы абсікваліся пры затрыманні.

Мяне дапыталі. Капітан запытаўся: «Ты бачыў, я цябе не чапаў». Я сказаў: «Так, таварыш капітан, вы мяне не чапалі. Але іншыя чапалі».

Ён адвёў мяне ў камеру. Камера была на двух чалавек, нас было шэсць або сем. Я пытаўся, калі нас будуць карміць, бо ўжо другія суткі. Нам сказалі, што чалавек на адной вадзе можа пратрымацца 30 дзён. Ні бялізны, ні падушак, ні матрацаў, нічога.

Увечары наступнага дня быў суд. Суддзя прысудзіў мне сем сутак арышту. Ён сказаў: «Даруйце мне. Потым у сваіх мемуарах напішаце, што я кепскі суддзя».

Пакармілі нас на трэці дзень. Праваслаўныя святары нам перадалі хрышчэнскую ваду і аўсянае печыва па тры штучкі. Потым далі матрацы. Потым абед прынеслі. Потым перадачку перадалі. Мы не разумелі, што адбылося. Ніякага мату ўжо больш не было. Калі мне перадалі маю кнігу, я сукамернікам зрабіў прэзентацыю кнігі. Каб не было сумна, расказваў хлопцам, як я збіраў гэтыя гісторыі.

Першы раз я расплакаўся, бо ня ведаў, што з маёй жонкай. Падышоў супрацоўнік дэпартамэнту аховы і сказаў: «Чаго ты равеш?» Другі раз я заплакаў на трэці дзень, калі перадалі перадачу ад жонкі. Я гляджу: мая кніга, маё адзенне, цукеркі, якія я люблю. Я сеў і ад шчасця заплакаў. Я даведаўся, што з жонкай усё добра. Я раней казаў ёй: «Калі мяне некалі забяруць, перадай мне маю кніжку».

Увечары прыйшлі і сказалі: «Выходзьце».

Я спачатку думаў, што дарую супрацоўнікам міліцыі. А потым пачаў думаць: навошта яны так? Навошта яны маю жонку чапалі? Не ведаю. Я супраць такіх бясчынстваў.

Вось што расказала пра затрыманьне Тацяна Кулевіч.

– Мы думалі, што тэхніка едзе да натоўпу. Але яны, відаць, знарок спыніліся каля крамы і зайшлі ў краму. Усё адбылося за лічаныя секунды. Я за гэты час паспела адключыцца. Усё адбывалася як у тумане. Я памятаю, што хлопца, які спрабаваў зачыніць дзверы, вельмі моцна пабілі. Яны на мяне ўпалі зверху.

Потым супрацоўнік АМАПу ці хто, памятаю, глядзіць мне ў вочы, і вочы такія шкляныя, нібыта я яму асабіста нешта зрабіла, не ведаю – сям'ю яго расстраляла. Яны былі поўныя нянавісьці. Ён крычыць на мяне, хапае. Я не буду паўтараць усе нецэнзурныя словы. Ён схапіў мяне за руку і пацягнуў з крамы, па падлозе, па сходах. У мяне ўпала адна з красовак. Па дарозе я абмачылася, бо мозг не кантраляваў фізіялягічныя працэсы арганізму.

Было страшна, вельмі страшна. Калі мы падыходзілі да машыны, ён мне сказаў падымацца, сарваў усе рэчы, запіхаў у камеру ў аўтазаку. Я чула, як Руслан крычаў, як яго білі. Я вельмі спужалася, што нас вывезуць у лес, закапаюць і больш не знойдуць. Я пачала крычаць, каб Руслана не чапалі, біць нагамі аб камеру.

Самае страшнае, што я не бачу, я не ведаю, жывы ён там ці не. Калі мяне выводзілі, то ўжо не чапалі. Я бачыла, як усе ляжаць тварам у зямлю. Пазначаных білі.

Было вельмі страшна. Я б ніколі не магла падумаць, што такое можа адбыцца з намі ў нашай краіне. Я не магу даравацъ. Я не ведаю, як такое прабачаецца.

Пасля вызваленьня ноччу Руслану стала дрэнна. Ён паехаў у шпіталь. Аказалася, што ў яго зламаныя абедзве рукі, страсенне мозгу, моцна апухлі ногі, засталіся ранкі на целе. Яго шпіталізавалі на пяць дзён. У шпіталі журналіст таксама запісваў і публікаваў відэагісторыі пацярпелых.

Руслану дасылалі паведамленьні чытачы з усяго свету, падтрымлівалі яго. У кнігах ён пісаў шмат гісторый аб продках людзей, якія зехалі ў эміграцыю.

Адначасова нехта выклаў у сеціва асабістыя звесткі сям'і: адрас, тэлефон, да таго ж абразлівую няпраўдзівую інфармацыю. Таксама пачалі распаўсюджваць звесткі, што Руслан нібыта не пацярпеў і гіпс у яго несапраўдны. Кулевічам сталі паступаць пагрозы. Яны былі вымушаныя часова зехаць з гораду.

СЕГОДНЯ У МЕНЯ
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.
Я ЗАГАДАЛА ЖЕЛАНИЕ,
ЧТОБЫ НИКОГО
БОЛЬШЕ НЕ УБИЛИ.
МЫ - МИРНЫЕ ЛЮДИ!
ХВАТИТ НАСИЛИЯ, ПРОШУ.

МІНСК –

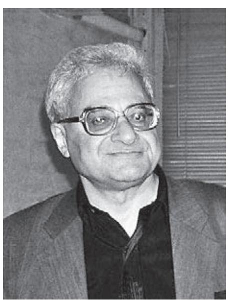

Фота: Вадзім Заміроўскі (TUT.BY), Сяргей Сацюк (БелаПАН)

Печальный пророк в своем отечестве

История одного интервью

Фото Сергея Шапрана
і Уладзіміра Кармілкіна

Леонид МИНДЛИН
«А» № 3 (72) 2008 г.

Июнь 1997 года. Позади – референдум, изменивший систему власти. Жесткие – в кровь – разгоны оппозиции… Давление на независимую прессу. Бунтовавший Верховный Совет «упразднен», и страна переведена на ручное управление – декретами и указами президента. Без этой преамбулы не понять тональности интервью с Василем Владимировичем Быковым, которое проводилось для телеагентства WTN (Worldwide TV news) в июне 1997-го.

В международный эфир пошел фрагмент этого разговора. Эфирный хронометраж был определен заранее, но я попросил у Быкова разрешения на более пространный разговор.

Я знал, что мастер не очень охоч до откровений с журналистами. Тем более с телевизионщиками. Нашим «ходатаем» тогда был поэт и переводчик Карлос Григорьевич Шерман. С Быковым их объединяло не только литературное творчество, но и работа в белорусском ПЕН-центре.

Впрочем, слово «работа» не совсем точно определяет их деятельность. Эти очень немолодые и очень нездоровые люди буквально противостояли страху, надвигавшемуся на общество, интеллигенцию, литературу. ПЕН-центр был островком свободы, инакомыслия. Островок показательно «топили». Наверное, поэтому оба – и Быков, и Шерман – последние годы жизни провели фактически в изгнании. Быков вернулся умирать на родину из Чехии. Карлос полтора года спустя умер в Норвегии, где жил в статусе политического беженца. Прах его захоронили, согласно завещанию, в Минске…

– The sad prophet, печальный пророк, – задумчиво сказала Кэтрин, коллега из московского офиса WTN, с которой мы готовили телеинтервью к перегону на спутник.

– Потому и грустный, что пророк! – вдруг ответил самый молчаливый человек в офисе,

видеоинженер, отсматривавший с нами картинку записи.

Фрагмент интервью с Василем Быковым прошел на многих телеканалах – подписчиках WTN. Текстовый вариант всего разговора публикуется впервые с небольшими сокращениями.

– Василь Владимирович, вновь возник знак беды – возвращается страх. Знакомый меня предупреждает: «Это не телефонный разговор!» Наше общество снова становится молчаливым большинством. Мы возвращаемся в прошлое?

– Мир выходит из этого страха. Страха, который витал над ним в течение по крайней мере столетия. Главным образом это – устранение угрозы ядерного апокалипсиса. Это все-таки много значит.

В постсоциалистических странах Европы происходят сходные процессы. В то же время в Беларуси процесс идет в обратном направлении. Реставрация тоталитаризма не может принести ничего другого, кроме как новой опасности и нового страха.

– Вечный вопрос: кто виноват? Ну власть, понятно! А сам человек? Какую он несет меру ответственности? Покорность – главное свойство молчаливого большинства. Сейчас, правда, принято другое определение – «толерантность».

– Все дело в том, что наш народ еще не осознал уроков, которые преподала история. Как известно, история мало чему учит, но она все-таки не запрещает учиться, быть примерными учениками. Так вот, белорусский народ не есть примерный ученик. Видимо, многие уроки проходят мимо. А самое важное – он не заботится о будущем. Ради сиюминутных выгод готов пожертвовать будущим своих детей и внуков.

Это, конечно, весьма прискорбно. Но говорить о вине очень трудно. Коллективная вина – категория очень сложная. Она, конечно, существует. Есть вина политиков, есть вина интеллектуалов. Многим гораздо милее наше реакционное, тоталитарное прошлое, нежели хоть в какой-то степени демократическое будущее.

– В Ваших произведениях проблема страха исследуется на поступках конкретных героев в конкретных обстоятельствах. Их страх, конформизм чреваты подлостью. А подлость становится причиной трагедий, гибели других. Вам не кажется, что возвращается время покорных, молчаливых, трусливых?

– В природе страха лежит инстинкт самозащиты. Человек, как и всякое живое существо, пытается выжить в любых условиях. Даже экстремальных. Но все дело в том, что средства для выживания могут быть разные. И в момент опасности далеко не ясно, каким из них можно оптимально воспользоваться. Есть давняя истина: кого Бог хочет наказать, того он лишает разума. В этот момент в человека и заползает страх. В этом состоянии редко происходит правильный выбор.

– Кто из героев Вашей повести типичен для нашего времени: непокорившийся Сотников или Рыбак, который хочет выжить любой ценой?

– Мне трудно экстраполировать частный случай Рыбака и Сотникова на современность или современность – на них. Это было совсем другое время.

В истории, как известно, мало что повторяется буквально. Тут требуется особое внимание аналитиков, моралистов для оценки нашего времени. В конце концов все его закономерности, все причинные связи будут определены после. Боюсь, что это будет чересчур поздно.

– Но такого рода выбор между черным и белым, между сопротивлением и покорностью, мужеством и трусостью всегда актуален. Или такая дилемма: активное сопротивление или непротивление злу насилием?

– Угроза тоталитаризма всегда висела над нами. Адекватных средств для сопротивления ему

демократия не имеет. Это совершенно разные явления человеческой культуры, политической культуры.

Я думаю, что для сопротивления хороши все средства. Каждая политическая сила, политическая формация выбирает удобные и возможные для себя способы сопротивления. Конечно, интеллигенция выбирает иные средства, чем, скажем, улица, толпа.

– Василь Владимирович, вот эпизод, снятый год назад на Комаровском рынке Минска. Там проходило что-то вроде забастовки, акции протеста мелких предпринимателей, которых указом «сверху» произвели в спекулянты, враги трудового народа… Женщина, ваша ровесница, может, чуть постарше, увидев протестующих – а это были в основном молодые люди – очень зло, очень громко бросила фразу: ««Мы помучались, пусть и ваше поколение помучается. А то слишком легко вам!» Это что, какая-то патология? И ведь во многих семьях происходит раскол по отношению к происходящему в стране, политическому и экономическому курсу власти.

– Человек, который хочет, чтобы дети «помучались», – это человек с надломленной психикой. Все-таки человеку свойственно жертвовать благополучием не только ради детей, но и последующего поколения. Это в природе человека. В противном случае человек выродился бы. Хотя мы знаем, что в истории было немало случаев такого вырождения народов и этносов.

Но что касается нашего сегодня, то, мне думается, тут налицо поколенческий эгоизм. В том числе старческий эгоизм.

Они всегда находились – я имею в виду старшее поколение – в черном теле. Государство, что называется, мыло и катало их. И эти люди, не разбалованные жизнью и властями, благодарны жалким подачкам, которых они удостоились в конце жизни. Но стоит оглянуться вокруг себя, посмотреть пошире… А это может сделать только молодое поколение – за ними будущее, они увидят всю ущербность этой психологии своих предков.

– Василь Владимирович, нередко приходится слышать такие суждения: «У Беларуси есть шанс стать лишней страной на политической карте Европы. И не потому, что в стране правит Лукашенко, который хочет воссоздать СССР под своей эгидой. И не потому, что есть Россия, которая жаждет снова стать империей. Сами белорусы не воспринимают себя как народ. Народ, который не хочет знать своего языка, своей истории, своей культуры».

Такие дискуссии происходят и в Беларуси, и на встречах с россиянами, прибалтами. Мы снимали японского студента, который изучает в БГУ белорусский язык, собирается работать над японско-белорусским словарем. Он был задержан во время «хапуна» после акции протеста, где тоже изучал активную белорусскую лексику. Он знает, скажем, историю ВКЛ, историю белорусского Сопротивления XIX века лучше, чем многие его ровесники-белорусы. Так, может, правы скептики: есть народ, который не хочет быть народом?

– Кинуть что-нибудь в сторону народа, упрекать его, обвинять – это кощунственно! Если народ действительно такой, как вы говорите, наш белорусский народ, – есть на то исторические причины?

Конечно, все, о чем вы говорите, имеет место, но стоит посмотреть в глубину истории. Почему

так получилось? Разве мало было восстаний, когда с оружием в руках белорусы вставали в борьбе за свои идеалы, хотя бы за право суверенного существования, за право создания собственного государства! Всего этого было достаточно в истории белорусского народа.

Но все это кончалось поражениями. И, естественно, эти поражения откладывали свой знак на генном уровне. В этом виновата история, точнее, определенные исторические силы, которые содействовали появлению такого народа-манкурта.

У нас не учат объективную историю, не преподают. Всякое такого рода правдивое слово вычеркивается из учебников, из науки, из историографии.

Но тем не менее мы знаем причины и виновников такого бедственного этнического состояния.

– Сегодня общество, интеллигенция прежде всего, находится в депрессивном состоянии. Как можно выйти из этого кризиса? Дело ведь не в том, что уйдет плохой правитель, придет хороший, и демократия расцветет. Речь идет о состоянии отечественной интеллигенции, элиты, которая так и не стала духовным лидером своего народа. Что это – очередной грех интеллигенции?

– Депрессия, конечно, имеет место. Она вызвана политическими неудачами, разочарованиями. Это ясное дело. Я думаю, что это не первое разочарование и не первая депрессия в жизни белорусской интеллигенции.

Важно, чтобы сохранилась эта интеллигенция. В прошлом мы знаем такие случаи, когда интеллигенция просто уничтожалась, поэтому выходить из депрессии просто было некому. Теперь мы опять повторяем эти исторические круги.

Очень важно сохраниться! Каким образом это будет происходить, я не знаю. Я думаю, в 20–30-е годы, в годы репрессий, когда интеллигенция уничтожалась физически, все-таки шансов для ее сохранения было больше, чем теперь. Она просто вырождается и исчезает. Так же, как она исчезла на Западе. Шансов на ее существование с каждым годом остается все меньше.

– В Ваших произведениях очень редко бывает happy end, счастливый финал. Как Вы считаете, для того состояния, в котором пребывает общество, для происходящего возможен ли счастливый финал? И что это за happy end?

– В жизни, к сожалению, особенно в больших исторических масштабах, он встречается редко.

Минск,
июнь 1997 года

Пытки на Окрестина могут остаться безнаказанными. Люди боятся о них заявлять

Елена СПАСЮК, Naviny.by, БелаПАН
Фото Сергея Сацюка, БелаПАН

Владимир 53 лет и 37-летний Александр избиты и сидели в одной камере на Окрестина с 10 по 14 августа. Мужчины пострадали, как они считают, ни за что, но боятся жаловаться на нарушения закона при обращении с задержанными и на условия содержания в ЦИП.

Мы не можем понять, за что такая ненависть у людей

Владимир показывает синяки и говорит, что еще недавно ни сидеть, ни лежать без боли не мог: «*Жена, когда меня увидела после освобождения, заголосила. На стол стала собирать и сама бутылку поставила. Мы все не можем понять, за что такая ненависть у людей*».

Задержали Владимира 10 августа около 22:30 в районе станции метро «Спортивная»: «*На выходе из подземного перехода приняли и начали бить. Били по ногам, били, били. В автозаке бить продолжали. Требовали, чтобы кричал "Я люблю Лукашенко", "Люблю ОМОН", "Слава ОМОНу". После десяти палок кричать начнешь, даже если этого не хочешь*».

Автозак, рассказывал Владимир, ехал минут сорок, все это время периодически останавливался – закидывали людей, бросали на пол и били. Требовали не поворачивать лицо в сторону сотрудников МВД, которые избивали.

Привезли сразу в ЦИП на Окрестина, в РУВД не заезжали:

«Палками выгоняли из машины, потребовали стать на колени, руки за голову, лбом в землю. Кто не мог сам нагнуться, нагибали. Внутри ЦИП на улице били – по два человека на каждого, махали палками, как кузнецы молотом. Потом эти ребята, наверное, устали, ушли, может чаю попить. Мы стоим в этой позе лбом в землю. Вернулись и снова бить, приговаривая: "За честные выборы", за "Люблю Беларусь!", за "Свободу!". И снова надо было кричать "Люблю ОМОН", "Люблю президента".

Потом нас подняли – в наклоне почти до земли с руками за спиной, не поднимая головы, бежали куда-то внутрь помещения. Они в этот момент стояли и били. На входе стояли двое и молотили каждого. Потом мы оказались в прогулочном дворике для заключенных – метров шесть высота стены, решетка из арматуры на потолке. Там было 76 человек.

Мы раз пять пересчитывались, потому что говорить могли не все – сломанные носы, выбитые зубы, кто-то вообще падал. Если бы это было не на воздухе, мы бы там задохнулись. Можно было только стоять – такая теснота. Так мы простояли ночь, день, часть следующей ночи».

Без воды задержанные стояли в этом дворике до обеда 11 августа, когда на 76 человек, по словам Владимира, им выдали одну полуторалитровую бутылку воды. Через три часа дали еще три таких же бутылки.

Пили из крана в умывальнике в туалете, но пить боялись: «*Если часто будешь проситься в туалет, получишь больше ударов. Не было такого, чтобы не били, пока мы бежали в туалет, согнув голову, руки за спину. Били, чтобы быстрее бежали, и на*

обратной дороге. Так что желания много пить не возникало».

В туалет водили по 20 человек, им давали 10 минут, поэтому приходилось пользоваться туалетом одновременно сразу нескольким мужчинам. Люди вынуждены были мочиться и прямо в прогулочном дворике – в сток для воды.

В камере Владимир оказался вечером 12 августа. Там на шесть мест было 50 человек. Сразу предупредили, если будут вести себя тихо, никто бить не будет.

Расстреляли машину, избили и заставили бояться

Александра задержали, когда он ехал на своей машине по проспекту Пушкина. Спросил у милиционера, как попасть домой – ему надо было на проспект Победителей. Тот сказал ехать по тротуару, потому что проезжая часть была заполнена остановившимися машинами.

«Машину передо мной пропустили. Я выезжаю на кольцо "Пушкинской", тихонечко спускаюсь, вижу, что от "Макдональдса" едет военная машина. Из нее вышли четверо и открыли шквальный огонь. Я заглушил машину, открыл дверь. В районе багажника услышал взрыв. Потом понял, что это была граната. Меня волной отбросило. Я был на земле, из ушей – кровь, меня начали бить. Я не чувствовал боли, меня контузило. Мне говорили все, кто потом видел мою машину, что, если бы металл был тоньше, живых там не должно было остаться».

Александра задержали. Везли около часа – по дороге пересадили из одного автозака в другой. Говорит, что везде били. Утверждает, что омоновцы требовали сказать на камеру, что он хотел въехать на машине в милиционеров. Он отказался и получил новые удары.

В ЦИП стоял в одном прогулочном дворике с Владимиром: *«Оттуда вытащили на улицу, начали избивать. Там я был с Володей и еще одним мужчиной».*

STYLAN'S

«Человека одновременно били шесть-семь омоновцев»

Оба мужчины видели, как избивали человека старше 40 лет, которого в ночь на 11 августа в тяжелом состоянии забрала скорая помощь.

Владимир терял сознание во внутреннем дворике, как он думает, из-за ударов по голове: *«Я когда очухался, сказал, что мне не нужна помощь. Но меня выбросили во двор, на площадку, за мной Александра. Ему тоже стало плохо. Потом вывели еще одного человека, у которого было несколько ранений в живот и в ноги. Было темно. Вдалеке стояла скорая медицинская помощь. Медики подошли, сказали, что мы все трое нуждаемся в госпитализации, на что кто-то из омоновцев ответил, что мы еще крепкие парни. Начали нас лечить – бить»*.

Владимир и Александр говорят, что от них внимание ОМОНа отвлек мужчина, который вышел из автозака.

Рассказывает Владимир: *«Приехала очередная партия задержанных. Там были строгие правила. Когда они говорят: “Руки за голову, на колени, лицом в землю”, надо соблюдать последовательность, иначе бьют. И этот мужчина в возрасте чуть старше сорока лет выполнил команды не в этой последовательности. Повернул голову в сторону омоновца, возможно, машинально. Так вот этого человека, который лежал, как звезда, били одновременно шесть-семь омоновцев.*

Один наступил на ладонь, другой на руку, еще один на голень. Очень сильно били. Мы начали уползать в сторону кустов. Мужчина захрипел, потерял сознание. Они позвали врачей. Омоновец перевернул его вверх лицом – лицо в крови. Поковырялся в нем палкой, сказал, что живой, мол, живот шевелится. А живот у мужчины шевелился так, будто там ребенок – все внутренности ходуном ходили.

Его, как тряпку, закинули на носилки, и врач сказала, может, и других, то есть нас троих, можно забрать. Им ответили, что у них не автобус, одно место, значит, одно. Водитель скорой тоже говорил, что может взять еще людей, а ему сказали, что, если будет много разговаривать, присоединится к нашей компании».

Александр добавляет: *«Его били сильно, его убивали. Причем по голове били металлической дубинкой – телескопической трубкой. Врач о нем говорила, что он не жилец, что у него кровоизлияние, что его не откачает даже реанимация. Ей угрожали, спрашивали, хочет ли она здесь, на Окрестина, остаться»*.

По данным Минздрава, среди вывезенных машиной скорой медпомощи с территории ЦИП на Окрестина в ночь на 11 августа умерших не было.

«ОМОН проявлял немотивированную агрессию»

Большинство побоев были ему нанесены на Окрестина, говорит Владимир:

«ОМОН проявлял немотивированную агрессию. Я так понимаю, что бойцы проходят психиатров и психологов. Они вели себя как психически нездоровые люди. Как они живут дома со своими близкими? Не могу себе представить. У меня впечатление, что омоновцы что-то приняли. Может, они и сами об этом не знают. Не реально, чтобы столько человек были такими агрессивными к безоружным людям».

Мужчины рассказали, что в их камеру 13 августа приходил человек, о котором говорили, что он замминистра. Он спрашивал, не били ли их в камере. И велел повторить на видеокамеру, что не били, пообещав, по их словам, что их отпустят.

К слову, мужчины утверждают, что на Окрестина велась видеосъемка избиений, причем сразу несколькими камерами. Так что при желании заинтересованные органы могут увидеть, как обращались с задержанными.

В ночь на 14 августа заместитель министра внутренних дел Александр Барсуков посетил ЦИП и после заявил журналистам, что никаких издевательств над задержанными не было.

В ту же ночь Владимира и Александра отпустили из ЦИП. Их встретили волонтеры, предложили развезти по домам. Говорят, и волонтер, и они шли к машине очень быстро – все боялись.

Александр и Владимир не обращались с жалобами. Они боятся, что сделают себе только хуже.

Владимир объяснил это так: *«Я не могу понять, за что меня задержали, за что били, но нам сказали, что, если мы кому-то расскажем, будем жаловаться, нам это обойдется еще дороже. Поэтому надо ждать лучших времен»*.

Сергей ВОЗНЯК,
редактор газеты «Товарищ»
«А» № 2 (84) 2010 г.

На нарах в бажевской майке «Трымайся праўды!»

По совокупности содеянного сесть вообще-то я должен был еще в 2006 году, когда возглавлял пресс-службу единого кандидата объединенных демократических сил на президентских выборах Александра Милинкевича. Но тогда пронесло.

После разгона палаточного городка на Октябрьской площади в марте и жестокого избиения демонстрантов на подходе к переулку Окрестина в апреле сотни людей, посмевших сопротивляться «элегантной победе» нынешнего президента, попали под административный арест. Побывали, как говорят в народе, «на сутках». А одного из двух альтернативных кандидатов, Александра Козулина, вообще «подвели» под уголовную статью и реально посадили. Помнится, в те дни меня преследовало ощущение какой-то неловкости перед теми, кого бросили за решетку, а голову не покидала мысль, что все приличные люди в оппозиции уже посидели, а ты вот, Возняк, со своей газетенкой никак в этот почетный список не попадешь…

Я тоже стал приличным человеком 18 мая 2010 года. Меня посадили.

Незадолго до этого я как член Минской городской избирательной комиссии получил премию за местные выборы. Получили все члены комиссии: председатель – 300 тысяч, заместитель и секретарь, кажется, – по 250, рядовые члены – по 200. Дали и мне, хотя я оказался единственным в комиссии, кто результаты выборов не признал, проголосовал против признания полномочий всех 57 новых депутатов Минского городского Совета и подписал итоговый протокол комиссии с особым мнением.

Премию за такие выборы получать было противно, но и «проклятому режиму» оставлять не хотелось. Решил поделить ее между двумя приличными организациями, положив 100 тысяч на счет партии «Справедливый мир», которая делегировала меня в состав избирательной комиссии. Оставшиеся 100 тысяч оказались на счету учреждения «Движение вперед», проводящего Кампанию «Говори правду!» и сказавшего правду об этих выборах оперативнее и основательнее всех.

Прихожу из банка в офис учреждения, а там ОМОН и люди в штатском: «Здрасьте, вы задержаны!»

Чуть вру. Слова о том, что я задержан, пришлось выбивать из них минут десять. Поначалу

меня попросили выложить на стол мобильный телефон. Оглядываюсь: вокруг стола в кучку согнали сотрудников и посетителей офиса, на столе – пестрая горка их мобильных телефонов.

Человек в штатском показывает удостоверение сотрудника милиции на фамилию Шеин и говорит:

– Выкладывайте телефон.

– Я задержан?

– Нет, мы просто просим вас выложить свой мобильный.

– Просьбу вашу я могу выполнять, а могу и не выполнять. А раз не задержан, то я пошел, – и двинулся к выходу.

Хватает за руку:

– Стойте!

– Еще раз спрашиваю: я задержан?

– Нет, но вы отсюда не уйдете.

– Не понимаю своего правового статуса. Если не задержан, то я пошел, – и снова двинулся к выходу.

И только тут услышал долгожданное:

– Да, вы задержаны.

С этой исторической фразы милиционера Шеина и пошел отсчет административного задержания двух десятков человек, которые в тот момент оказались в офисе учреждения «Движение вперед».

На часах было 12.50. По закону всех нас в течение трех часов должны были или отпустить, или предъявить нам какие-либо юридические претензии. Лично мне постановление об административном задержании на три часа вручили в Ленинском РУВД только в 18.45. То есть продержали незаконно больше трех часов.

Постановление о том, что я являюсь подозреваемым по уголовному делу, возбужденному по части 1 статьи 250 УК, и задерживаюсь еще на 72 часа в изоляторе временного содержания (ИВС) на Окрестина, увидел почти в 21.00…

Но вернемся в офис.

Тут такое дело. Когда Владимир Некляев предложил мне выполнять одну важную работу в рамках Кампании «Говори правду!», я, понимая специфику нашего замечательного государства, заключил соглашение с адвокатом. На всякий случай. Из-за трогательной «любви» существующей системы ко всяким гражданским инициативам. И всегда ношу этот документ с собой. В паспорте. На всякий случай.

Вот случай и представился.

– Раз я задержан, – продолжаю мастер-класс для милиционера Шеина, – то позвольте позвонить своему адвокату.

И достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза клиентское соглашение.

– Никуда звонить не будете, – дружно очертили место белорусской адвокатуры в системе государственного правосудия присутствовавшие в офисе «люди в штатском».

Подошли двое, говорят: «Идите за нами». На мой вопрос: «Кто такие?» – показали удостоверения подполковников милиции на фамилии Горбачев и Новик. Усадили в машину. Куда-то повезли. Уже в пути предъявили санкцию прокурора Ленинского района Игоря Украинца на проведение обыска в моей квартире.

К дому подъехали примерно в 13.30. В квартире – сын-студент и бывшая жена (развелись не так давно, мирно сосуществуем на одной жилплощади). Ольга случайно выглянула в окно. Я успел крикнуть, что приехали с обыском, в квартиру никого не впускай без моего разрешения. Жена-то у меня (хоть и бывшая) офицерская – приучена к дисциплине с лейтенантских времен. Закрыла двери на все замки. Уселась в кресло. Выставила перед собой батарею пузырьков с валидолом. И в таком положении выдержала осаду двух милицейских подполковников, не поддаваясь на их уговоры открыть дверь.

Осада длилась 2,5 часа. Все это время я и успевший выскочить из квартиры сын пытались добиться разрешения сделать звонок адвокату. Горбачев и Новик уверяли, что адвокат мне положен только с момента допроса в РУВД, и просили пустить в квартиру по-хорошему.

На площадке начали собираться соседи. Возник стихийный митинг, в ходе которого, что приятно, общественное мнение безоговорочно поддержало мое право на звонок адвокату.

Горбачев несколько раз выходил на улицу: куда-то звонил, советовался с руководством. С Новиком все это время у нас продолжалась содержательная дискуссия о праве человека на неприкосновенность жилища и об исторических судьбах адвокатских контор в Беларуси.

Вскоре пошли вежливые угрозы:

– Не откроете дверь добровольно – вызовем работников ЖЭСа и взломаем.

– До разговора с адвокатом не открою.

– Будем ломать.

– Ломайте. Я вам за это по бутылке хорошего коньяка поставлю. Тут и так шум вселенский будет, а если вы еще и дверь мне снесете…

Но разве можно напугать двух подполковников двумя бутылками коньяка? И вскоре на лестничной площадке появляются инженер из ЖЭСа и два мужика в оранжевых спецовках с инструментами.

Получив такое подкрепление, Горбачев вновь атакует:

– Последний раз прошу вас открыть дверь в квартиру и дать нам возможность произвести обыск.

– Сначала я должен получить возможность проконсультироваться со своим адвокатом. Без звонка ему дверь открывать не буду.

Горбачев командует мужикам: «Ломайте!» Те нехотя начинают подниматься вверх по ступенькам. Останавливаю их вежливым предупреждением:

Фото Вадима Замировского, TUT.BY

– Я не уголовник, а редактор оппозиционной газеты. Дело политическое. Категорически запрещаю ломать дверь моей квартиры.

Мужики остановились в смятении. Горбачев снова удаляется на улицу. Возвращается минут через десять:

– Ладно, звоните…

Было уже почти 16.00. Связался со своим адвокатом Ларисой Атаманчук, уточнил порядок проведения обыска, свои права, попросил разобраться, что за статью мне «шьют». После этого открыл своим ключом дверь в квартиру. Вижу забившуюся в кресло и накачанную валидолом Ольгу – очень жалко было ее в тот момент.

Обыск закончился изъятием системного блока компьютера сына и двух его флешек. Больше ничего преступного не нашли. Просил оставить компьютер: сын-то студент, сессия на носу. Увы.

Повезли в Ленинское РУВД. Там у входа уже встречали коллеги-журналисты, активисты партий и общественных организаций. Сразу стало как-то спокойнее. Понял, что после нескольких формальностей вот-вот отпустят. Расслабился так, что перед самым вызовом в кабинет следователя позвонил двум друзьям из БАЖа:

– Срочно купите водочки, закуски и дуйте встречать меня к РУВД. Скоро отпустят, надо как-то стресс снять.

А в кабинете – постановление о задержании на три часа. Я же, говорю, и так уже шесть часов вместо трех как задержан. Ничего, отвечают, посидите еще три часа. И в «обезьянник».

Это камера такая в РУВД. Сидеть там паршиво. Теснота, вонь, холодный пол. Публика – в основном алкаши, бомжи, наркоманы, хулиганы. Не кормят вообще – сколько бы ни сидел. Выйти в туалет – только по воле дежурного милиционера.

Когда через два часа вызвали на допрос к следователю, его кабинет показался санаторием. Несмотря на то что от «обезьянника» вверх по этажам РУВД впервые повели в наручниках.

На этом, втором, допросе, спустя девять часов после задержания узнал, что являюсь уже не задержанным, а подозреваемым по уголовному делу. Статья – распространение среди потребителей ложной информации о качестве товаров и услуг. Максимальное наказание – до двух лет «химии».

Ну и статью же нам подобрали! В Уголовном кодексе она, вообще-то, находится в разделе экономических преступлений, то есть связанных с коммерческой деятельностью. Как если бы Некляев, Возняк и Дмитриев произвели кефир жирностью в 2 процента, а на этикетке написали, что жирность – 3. То есть ввели бы потребителя в заблуждение. Тогда милости просим под статью 250 УК.

А я ж коммунист неисправимый. Давай наседать на милиционеров:

– Вы «Капитал» Маркса когда-нибудь читали? Товар – это то, что произведено на продажу. Мы что, листовки с логотипом «Говори правду!» продавали?

Но ни ссылки на основоположника, ни протесты адвоката не помогли. Следователь вынес-таки постановление о продлении срока задержания еще на трое суток и отправил в ИВС на Окрестина.

Было ли страшно? Да нет. Понимал, что дело «липовое», даже в нашем суде развалится. Да и не будут они доводить его до суда – не сумасшедшие же. Так – банальная акция устрашения, системной «профилактики», чтобы выбить нас из Кампании «Говори правду!».

Во-вторых, испытываешь вполне комфортное моральное состояние, когда понимаешь, что сидишь за правое дело, за правду. Веришь в солидарность и поддержку друзей, родственников, коллег, просто нормальных людей.

Самый неприятный момент в течение трехсуточного ареста – конвоирование из РУВД в ИВС. В «обезьяннике» продержали еще долго. Конвой приехал часа в два ночи. Вывели из камеры. Тут наконец увидел «подельника» Андрея Дмитриева. Переглянулись, перемигнулись, приободрили друг друга. Видим, что оба не испуганы, относимся к происходящему как к издержкам «профессии» белорусского оппозиционера. Плохо, что не знаем,

как Некляев, как остальные наши. Перекинуться даже парой фраз не дают – сразу окрик конвоя.

Потом – лицом к стене, руки за спину. Щелчок наручников. И в «воронок». Там усадили в узкий металлический шкаф с двумя небольшими отверстиями, чтобы не задохнулся. Выключили свет. Ощущение – как в гробу. Руки в наручниках и за спиной. И в таком положении возили по Минску часа полтора. И не жалко бензина, «купленного» на народные деньги!

В камеру ИВС попал почти в четыре утра. И это был настоящий кайф! Кровать на втором ярусе с приличным матрасом. Правда, без подушки и постельных принадлежностей. Но спать можно. Тем более после такого денечка.

Лично мне неудобства в изоляторе доставляли три вещи.

Скука. Ничего не делаешь, не знаешь, куда себя деть. А я еще и читать не мог, так как очки в камеру взять не разрешили.

Некоторые издержки быта. Там среди надзирателей есть премилая прапорщик Света. Когда я обратил ее внимание, что нет туалетной бумаги, то услышал: «Да пошел ты на…» Та же прапорщик Света, разнося по камерам обед, дала точную оценку качества тюремного питания: «Что-то вам сегодня котлеты дюже мясные дают».

Но самое невыносимое: в 6 утра включается первая программа государственного радио и ты вынужден ее слушать с часовым перерывом до 22.00. Выключить невозможно, звук убавить – тоже, радиоприемник находится высоко и за решеткой. Спасение – когда концерт по заявкам радиослушателей и вечерняя детская сказка. Именно там, в камере на Окрестина, я узнал, как любит Александр Лукашенко сельское хозяйство и чуть ли не коров в Дроздах доит. И все на госрадио (кроме концерта по заявкам и сказки) – или об этом, или типа этого, или на уровне этого.

Зато означенные выше неудобства с лихвой компенсируются неожиданными прелестями тюремной жизни.

Самая главная из них – прекрасное отношение уголовников к нам, «политическим».

Первую ночь и утро я провел в камере с малолетними хулиганами. Было неинтересно, даже поговорить не с кем. А перед обедом перевели в другую камеру. Там просидел большую часть «срока».

Переступаю порог. Пять коек. Четверо сокамерников, как потом оказалось, – воры-рецидивисты. Старший подходит ко мне:

– Статья.

– 250-я, часть первая.

– Во, блин, шестую ходку делаю, а про такую не слышал.

– Да это политика, за листовки взяли.

– Садись, рассказывай.

Ну я им политинформацию и провел. На несколько часов. И про экономику, и про Кампанию «Говори правду!», и про милицейский беспредел.

– Уважаем, – подвел итог старший. – Не волнуйся, сидеть будешь хорошо. Со всеми вопросами – сразу ко мне.

Потом выдвинул из-под койки огромную сумку (опытный «сиделец», знает, что надо брать в тюрьму), достал из нее чистые теплые носки:

– Носи, а то босиком озябнешь быстро.

Так я сразу оказался «в авторитете». Другой рецидивист (помоложе, но девять квартирных краж за один день) подтвердил в разговоре: к политическим зэки относятся хорошо, благодаря вам условия содержания заметно улучшились. Ложки стали давать с держаками, а не обрубленные, миски из «нержавейки», матрасы опять же, туалеты в камерах стенкой отгородили, ремонт сделали.

А тут первая передача для меня подоспела: колбаска, печенье, свежий хлеб, минеральная вода – настоящие тюремные радости. Выше них – только сигареты. Но я, к счастью, некурящий.

Съели все это дружненько. Начал разбирать переданные «с воли» вещи. Домашние тапочки, чистое полотенце, мыло, зубная щетка, паста, туалетная бумага (дай бог здоровья прапорщику Свете). На самом дне пакета – синяя спортивная майка. Разворачиваю – а на ней логотип Белорусской ассоциации журналистов и слоган «Трымайся праўды!». Жена (хоть и бывшая), проявляя заботу (спасибо ей!), без всякой задней мысли положила в пакет для передачи бажевскую майку. Так я в этой майке двое оставшихся суток на Окрестина и провел. В ней и на свободу вышел.

Констатирую в заключение, что на путь исправления не стал. Всю глубину пропасти, в которой очутился из-за активной работы в демократическом движении и независимой журналистике, так и не осознал. С новыми силами и с интересным тюремным опытом берусь за старое.

P. S. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить всех коллег-журналистов, не забывавших о нас в те три дня, дежуривших у РУВД и на Окрестина, проявивших искреннюю профессиональную и человеческую солидарность. Я в первую ночь после выхода на свободу не вылезал из интернета, читая публикации в нашу защиту и поддержку. Было очень приятно. Спасибо, друзья!

«Працоўныя» моманты

«А» № 1 (88) 2011 г.
Фота Вадзіма Заміроўскага, TUT.BY

Падчас разгону грамадзянскай акцыі 19 снежня на плошчы Незалежнасці ў Мінску пацярпелі нашыя калегі. Пацярпелі, бо выконвалі свае прафесійныя абавязкі, пацярпелі, бо выкарыстоўвалі сваё права знаходзіцца ў самай гушчы падзей, пацярпелі, бо забяспечвалі канстытуцыйнае права грамадзян Беларусі на атрыманне аб'ектыўнай інфармацыі…

Вось такая яна, праца незалежных журналістаў – непрадказальная, рызыкоўная і нават небяспечная.

Але мы выконваем сваю справу. Пераступаючы праз боязь атрымаць амапаўскай дубінкай па галаве, пераадольваючы элементарную ўласную асцярогу. Напэўна, таму, што па-іншаму не ўмеем. А яшчэ мы не хочам і не будзем маўчаць. Інакш краіна будзе жыць у немаце.

Вечарам 19 снежня на плошчы Незалежнасці сярод іншых працавалі карэспандэнт газеты «Новы час» Вольга Хвоін і журналіст інтэрнэт-газеты «Салідарнасць» Руслан Гарбачоў.

Вольга ХВОІН: «Я не магу сказаць свайму сумленню: "Маўчы!"»

– Вольга, што ты ўбачыла на плошчы, што цябе здзівіла і, магчыма, збянтэжыла?

– Насцярожыла тое, што людзей пусцілі на пляцоўку перад Домам урада, за помнік Леніну. Вулічныя акцыі амаль ніколі не адбываюцца на гэтай плошчы. А калі дэманстранты туды і даходзяць, то супрацоўнікі спецслужбаў не пускаюць людзей далей за помнік. А ў гэты раз людзі маглі падысці да самых дзвярэй. Было адчуванне, што падзеі разгортваюцца не традыцыйна, а па нейкім невядомым плане.

Калі пачалі біць вокны, дзверы ў Доме ўрада, лідары апазіцыі былі не радыя такому павароту падзей. Калегі гаварылі, што Андрэй Дзмітрыеў у адчаі выкрыкнуў: «Да гэтага мы перамагалі, а цяпер – канец!».

Разабрацца ў хітрасплятеннях палітыкі, якая ў Беларусі робіцца насамрэч не на плошчах, а ва ўладных калідорах, няпроста. Але тое, што ў Доме ўрада былі спецназаўцы, якія не выйшлі адразу, каб абараніць будынак, выклікае мноства пытанняў…

– У цябе немалы досвед працы падчас вулічных акцый. Ці было прадчуванне жорсткага разгону маніфестацыі?

– Так. Я пастаралася адшукаць найбольш небяспечнае месца з добрым сектарам агляду. Таму пачатак разгону, манеўры сілавікоў былі як на далоні.

Уразіла, як супрацоўнікі ў цывільным групамі па 5–8 чалавек выхоплівалі людзей з натоўпу і збівалі іх нагамі. Увогуле ўсё выглядала даволі брутальна.

У пэўны момант я апынулася на ўжо «зачышчанай» тэрыторыі і зразумела, што ў такім вэрхале наўрад ці хто будзе глядзець на маю прэс-карту. Вырашыла абмінуць натоўп з боку педуніверсітэта, але трапіла ў людскі вір, які да таго ж пачалі з трох бакоў сціскаць амапаўцы. Натоўп проста некуды нёс – па клумбах, бардзюрах. Баялася паслізнуцца і зваліцца. Апынулася ў месцы, дзе шэрагі амапаўцаў, вайскоўцаў з дубінкамі і шчытамі амаль сышліся. Спрабуючы вырвацца, я пачала крычаць вайскоўцу, што я журналіст, прэса! У адказ пачула брыдкую лаянку, потым гэты «прадстаўнік

праваправадку» схапіў мяне за горла са спіны, штурхнуў на шчыты амапаўцаў. Але я зноў вярнулася да вайскоўца з тымі ж словамі, на што ён у чарговы раз абклаў мяне матам, схапіў за горла, а потым проста выкінуў на праезную частку. Добра, што рух транспарту на той момант быў часткова спынены.

Пазней, аналізуючы гэтыя падзеі, прыйшла да высновы, што людзей ратавалі зімовая вопратка, шалікі-пальчаткі. Інакш сінякоў ад моцных удараў было б значна больш. Пасля ўбачанага магу сказаць: на тое, што ты журналіст ці дзяўчына, ніхто не зважаў. Натоўп быў асляплены страхам, а амапаўцы-вайскоўцы – шалам бойкі. Я разумею, што ў такіх сітуацыях у чалавека адбываецца моцны выкід адрэналіну, працуюць інстынкты, а не розум. Аднак ведаю і тое, што мяжа апантанасці сілавікоў залежыць ад каманды зверху.

– На тваю думку, ці быў адмысловы загад «нейтралізаваць» менавіта журналістаў?

– Не магу сказаць, ці быў такі загад, але думаю, што была каманда не цырымоніцца з намі і класці ўсіх тварам у асфальт. Што з прэсай і рабілі. Бо, калі ёсць загад не чапаць журналістаў падчас масавых акцый, то гэта збольшага выконваецца.

– Ты на ўласным досведзе даведалася, што незалежная журналістыка ў Беларусі – прафесія небяспечная. Пасля ўсяго, што ты перажыла, не ўзнікла жадання сысці з прафесіі?

– Жадання сысці з прафесіі не было. Але паменела талерантнасці ў дачыненні да людзей, якія хлусяць на дзяржаўных тэлеканалах і са старонак афіцыйных газет, якія бароняць сістэму, што трымаецца на сіле, а не на законе.

Для тых, хто працуе ў сферы СМІ ў Беларусі, цяпер ёсць некалькі варыянтаў пабудовы жыцця, прафесійнай дзейнасці. Працаваць у незалежнай прэсе, рызыкаваць стратай нерваў, маёмасці, а часам і здароўем. Ці працаваць у дзяржаўнай прэсе, сказаць «Маўчаць!» свайму сумленню і думаць толькі пра баршчы, рыбалку, кветкі. Я такога не хачу. Можна, канешне, увогуле сысці з прафесіі. Ці з'ехаць за мяжу і там наноў будаваць сваё жыццё, кар'еру. Аднак тым, хто абярэ першы і апошні варыянты, будзе надта няпроста.

Руслан ГОРБАЧЕВ: «Пока меня били, я даже не пытался встать»

– Я пришел на Октябрьскую площадь в Минске около 20.00, наблюдал за происходящим с самого начала. Вместе с толпой дошел до площади Независимости. И сперва у меня было четкое ощущение того, что ничего не предвещает столь брутальной развязки. Потому что никто из кандидатов в президенты, присутствовавших на митинге, не собирался ломать двери. Проходила обычная гражданская акция. Люди стояли у памятника Ленину. Я был свидетелем того, как экс-кандидат в президенты Андрей Санников сказал, что он и еще несколько человек идут на переговоры в Дом правительства.

И тут началось: несколько человек выскочили из толпы и, как по команде, начали бить двери Дома правительства. Я четко видел, как Виталий Рымашевский пытался остановить людей, которые начали бить окна, а Санников вместе с женой Ириной Халип находился перед ступеньками Дома правительства и даже не пытался на ступени подняться.

Позже я увидел, как с разбитой головой вышел из толпы Рымашевский. Я обратил на это внимание нашего фотографа. В этот момент на площадь выбежал спецназ, бойцы начали оттеснять людей от входа в Дом правительства.

– Как я понимаю, ты просто не успел вырваться из оцепления…

– Можно и так сказать. Я наблюдал за происходящим с левой стороны от Дома правительства – спецназовцы «отсекли» меня от основной массы людей, и я оказался прижатым к стене. У стены стояли пять человек в штатском. Когда я проходил между ними и бойцами спецназа, которые выстроились в многорядные цепочки, один подскочил ко мне и с криком: «Иди сюда!» – ударами в грудь и плечи повалил меня на землю, а его соратники принялись избивать меня ногами.

– Прокричать о том, что ты журналист, успел?

– А что толку? На мне был бэйдж с надписью «Пресса»… Когда я упал и меня начали бить, я, конечно, закричал, что я журналист. Может быть, это меня в какой-то степени и спасло от серьезных увечий. Когда они меня били, я даже не пытался встать.

Через какое-то время они меня подхватили и вытолкнули. Сознания я не терял. Когда меня избивали, то сорвали бэйдж. Из переделки я вышел практически целым: переломов не было, только ссадины на руках.

– Извини за банальный вопрос: тебе было страшно?

– Было. Особенно за разгоном людей со стороны было очень страшно наблюдать.

Представь: ты видишь, как спецназовцы бьют дубинками безоружных людей, как дубинки опускаются на головы… Ты стоишь в оцепенении и ничего сделать не можешь. А те, кто орудует дубинками, чувствуют свою безнаказанность и неоправданно, с остервенелой жестокостью, применяют силу к безоружным людям, вина которых только в том, что они пришли узнать о результатах выборов. Страшно.

– Руслан, как, на твой взгляд, работать журналисту в стране, где постоянно нарушаются гражданские, профессиональные права?

– Каждый из нас стоит перед моральным выбором, как и где работать. Так вот, я уверен, что журналисты, которые работали на площади, – настоящие профессионалы. Никто из них не нарушал общественный порядок, они просто выполняли свою работу. А как иначе? Ну не будешь же наблюдать за происходящим за 500 метров от событий?

И ты знаешь, размышляя о том, что произошло в Беларуси 19 декабря, я только утвердился в мысли, что сейчас в государственные СМИ я работать не пойду ни за какие коврижки. Я не понимаю, зачем туда идти и что там делать. На что тратить свои силы? Ведь там скорее платят за то, чтобы ты не писал о том, что видишь и чувствуешь.

Тюремная география

В то время, когда наших коллег, осужденных по надуманным и ничем не подкрепленным обвинениям, отправили «отбывать сутки» в следственные изоляторы, БАЖ делала все возможное, чтобы арестованные журналисты не чувствовали себя брошенными.

Мобильные группы волонтеров каждый день курсировали по маршруту: офис БАЖ – изоляторы. О том, кто и как оказывал помощь отбывающим административный арест независимым белорусским журналистам, рассказывает заместитель председателя Ассоциации ***Андрей АЛЕКСАНДРОВ***:

– Поздно вечером 19 декабря в офис БАЖ стали звонить журналисты, которых задержали во время освещения акции. Они звонили прямо из автозаков, переполненных людьми. Мы пытались давать им какие-то рекомендации. Утром 20 декабря в БАЖ начали составлять список задержанных и пострадавших журналистов. После того как прошли мероприятия, которые в Беларуси называются судами, и наших коллег «запаяли» на сутки, мы начали оперативно решать вопрос с передачами для арестованных.

Уже 21 декабря, в первые сутки отсидки наших коллег, мы повезли передачи членам БАЖ, которые находились в изоляторах на ул. Окрестина и ул. Скорины.

Ты знаешь, я был приятно поражен тем, что некоторые наши коллеги, члены организации бросили дела, позвонили в офис и вызвались работать волонтерами.

Надо сказать, что мы наладили эффективную систему. Работал штаб, кто-то занимал очередь возле изоляторов, была мобильная группа, которая передвигалась по маршруту от магазина до изолятора.

– Как принимают передачи для задержанных в Беларуси?

– Существует общий для изоляторов перечень того, что можно передавать.

Но у меня лично сложилось впечатление, что список этот абсолютно разный в разных изоляторах.

Например, некоторые наши коллеги сидели в Жодино – там одни правила, на Окрестина в Минске – другие, на Скорины – третьи. Причем эти правила могли меняться несколько раз в течение дня. Я думаю, что это зависело от присутствия или отсутствия гуманизма в сознании каждого конкретного дежурного милиционера

в конкретный промежуток времени. Например, на Скорины принимали спальники, а на Окрестина не брали.

В один из дней поступила информация о том, что в изоляторе на Скорины берут еду. В первый раз, когда мы привезли туда передачу Тане Бубликовой и Юле Дранчук, из еды ничего не приняли, а взяли только средства гигиены и спальники.

Мы купили печенье, апельсины, яблоки. Эту передачу я и повез в изолятор. А там очень симпатичная сотрудница милиции пристально посмотрела на пакет с яблоками, сетку с апельсинами и пачку печенья. Потом все вскрыла и сказала: «Я могу передать два яблока и два апельсина». Взяла несколько печенюшек. Все остальное мне вернули под роспись.

Или вот еще случай, который произошел накануне католического Рождества. Я повез передачу на Окрестина члену БАЖ Алексею Шеину. А там в тот день было два списка. Я не знаю, по какому принципу их составляли. Скорее всего, по принципу «политические» и «случайные». Крупная женщина на приемке довольно грубо меня встретила, вообще не заглянула в мой пакет. Только попросила написать на листке с перечнем того, что я передаю, мой телефон и номер паспорта. Бросила эту бумажку в пакет с передачей и куда-то ушла, предварительно указав мне на дверь. Я не уверен, что Алексей эту передачу получил…

– Некоторые члены БАЖ до сих пор находятся в СИЗО КГБ…

– В этой «конторе» своя специфика: передачи принимают с 10.00 до 12.00 три раза в неделю. В такие дни там очередь, и люди не всегда успевают уложиться в отведенный промежуток времени. Я два раза возил передачи члену правления БАЖ Сергею Возняку, и очередь почему-то на мне заканчивалась. Соблюдая все «письменные формальности», в КГБ за два часа успевают принять не многих. И даже видя, что в очереди остается 3–4 человека, в 12.00 прием передач заканчивают. Жаловаться некому и бесполезно.

Кстати, в канун Нового года в СИЗО КГБ поменялись правила. Если раньше принимали домашнюю еду, то 31 декабря объявили, что ничего такого больше брать не будут. Причем людей заставляли переписывать заявления с перечнем продуктов, что значительно затягивало процесс передачи.

– Не видел ли ты у стен изоляторов коллег из государственных изданий? Ведь пострадали журналисты и из таких СМИ.

– Нет, не видел. И вообще, то, как освещали события 19 декабря государственные газеты и телеканалы, заставило меня усомниться в том, что мы с ними едины в призвании. Несколько последних лет, когда казалось, что диалог возможен, БАЖ пыталась идти на контакт с Белорусским союзом журналистов, задумывались совместные проекты с коллегами из государственных СМИ.

Наша позиция изменилась несильно: мы за диалог, мы должны обсуждать наши общие профессиональные проблемы. Но то, как государственные СМИ освещали события 19 декабря и в последующие дни, несовместимо с понятием профессиональной этики. Мне неприятно это комментировать. Тут, как говорится, каждый выбирает по совести.

Падрыхтаваў Віталь ГАРБУЗАЎ

Бессилие страха

Недавняя история с Орлеанскими девами независимой белорусской журналистики – внезапные обыски, допросы, изъятия «железа», будто бы напиханного некой «опасной» информацией, а также личных денежных средств – была практически единодушно истолкована как очередная, хотя и весьма оригинальная, попытка этих самых журналисток запугать. Возможно. С тех, кто расставляет свои прогнившие сети, придумывает хитроумные, как им кажется, комбинации по отлову и удушению свободной мысли, станется. В таких случаях, а их за годы затянувшегося первого президентства в разных вариантах не счесть, я вспоминаю одну из любимых присказок: грозилка грозит, а возилка возит. В самом деле, попробуйте представить себе вконец запуганную Ирину Халип, забившихся от страха в самый дальний газетный угол Светлану Калинкину и Марину Коктыш или Наталью Радину, посвятившую оставшуюся жизнь припудриванию милицейского синяка под глазом…

Сергей ВАГАНОВ
«А» № 2 (84) 2010 г.

Но не все так просто.

Да, ставку на испуг этих замечательных женщин и журналисток мог сделать только конченый идиот. Но когда видишь, как «чешет репу» кто-то из твоих коллег, взвешивая, так сказать, последствия для себя, становится ясно, что идиот не совсем конченый, какая-то изощренная логика в его расчетах есть.

Глупо, точнее, мелко думать, что этот «идиот» – всего лишь некая всесильная персона или недалекий чин из глубоко запрятанных тайников власти. Хотя, конечно, у всякого идиотского действа есть свой сценарист, режиссер и исполнитель, вполне можно говорить об идиотизме режима, который в своих отношениях с обществом исповедует два взаимопроникающих постулата: страх и ложь. При этом отношения с журналистикой и журналистами – их особенно видимая часть. Будь то газетная публикация, телевизионный или радиоэфир, всякая попытка исказить правду, сфальшивить в угоду ближнему начальнику и далее по идеологической вертикали становится очевидной.

Имея немалый опыт работы в советских газетах, я с интересом и сожалением наблюдаю за стилистикой Сергея Дорофеева, одного из самых профессиональных телеведущих ОНТ. Обаятелен, напорист, умен… Но в какой исторической тьмутаракани вынужден обретаться со всеми своими талантами!

Вот очередной собеседник в программе «Выбор+» Борис Батура – новоиспеченный, правда, из старого теста, губернатор Минской области. Тоже ведь не глуп, а какую несет околесицу! Правильно, говорит, что школьников срывают с уроков и насильно отправляют заполнять полупустые трибуны на хоккейных и прочих состязаниях. И умозаключает: так можно и нужно приучать детей к здоровому образу жизни.

Оно, конечно, полезно – вытащить чиновника со всеми его идеологическими заморочками на

всеобщее обозрение. И кажется, даже смело. Но на самом деле кожей чувствуешь, как собеседниками движет подлый страх. Не то чтобы явный, вроде потери работы и прочих важных для личной жизни условий. Нет, страх соскочить с генеральной, в данном случае хоккейной, линии «партии», страх не попасть в унисон. Ладно, чиновнику простительно, может, он и в самом деле думает, что таким насильственным способом можно загнать школьников в здоровый образ жизни, а страну – в безмерное счастье. Но что остается делать журналисту? Остается делать вид…

Война с независимой журналистикой в ее разных тактических вариантах есть по сути своей война с журналистикой как таковой. Но если с независимой журналистикой режим, не имея управы, прибегает к грубой расправе, то в войне с журналистикой как таковой полагает достаточной инъекцию страха.

Мне приходилось уже писать о том, как, поступая на работу в газету «Гомельская правда», молодые журналисты дают так называемую «Клятву верности».

Не без трудностей я все-таки нашел тогда отрывок из этой клятвы, напоминающей пионерскую времен борьбы за светлое будущее: «Клянуся не толькі асадкай, але і паводзінамі падаваць прыклад заўсёды і паўсюдна. Клянуся не баяцца цяжкасцей і смела дабівацца свайго, калі рухае мной усведамленне карысці справы і любоў да “Гомельскай праўды”».

Я заглянул на сайт этой газеты. Достаточно просмотреть заголовки материалов, опубликованных хотя бы под рубрикой «Власть», чтобы оценить смелость ее журналистов: «Живите долго и хорошо». «Внесем в праздник неповторимые краски». «Без инициативы не бывает перспективы». И т.д. и т.п.

Могут сказать, что быть смелым журналистом вовсе не означает быть в оппозиции к власти. Согласен. Но это и не значит облизывать власть с ног до головы, подменяя пропагандой ее мнимых и действительных достижений общественный контроль за ней. Ведь выразителем интересов общества и должен быть настоящий журналист.

Впрочем, подобные упомянутой клятве изобретения провинциальных идеологов не новость. В иных местах клянутся в верности профессии и в любви к своей ферме даже доярки. Что ж, хотят – пусть клянутся. Пусть клянутся, даже если не хотят, – это их дело.

Журналистика же – дело общественное. Все, что происходит в ней, а главное – с нею, прямым образом касается нашего общественного и государственного устройства, его нынешнего состояния и перспектив. И если из молодых журналистов уже с самого начала их пути делают потенциальных клятвопреступников, эти перспективы кажутся совершенно ужасными. Ведь невозможно

«смело добиваться своего» и при этом «любить» свою газету, которую из-за твоей смелости могут перестать печатать, продавать, могут разорить, а то и вовсе закрыть.

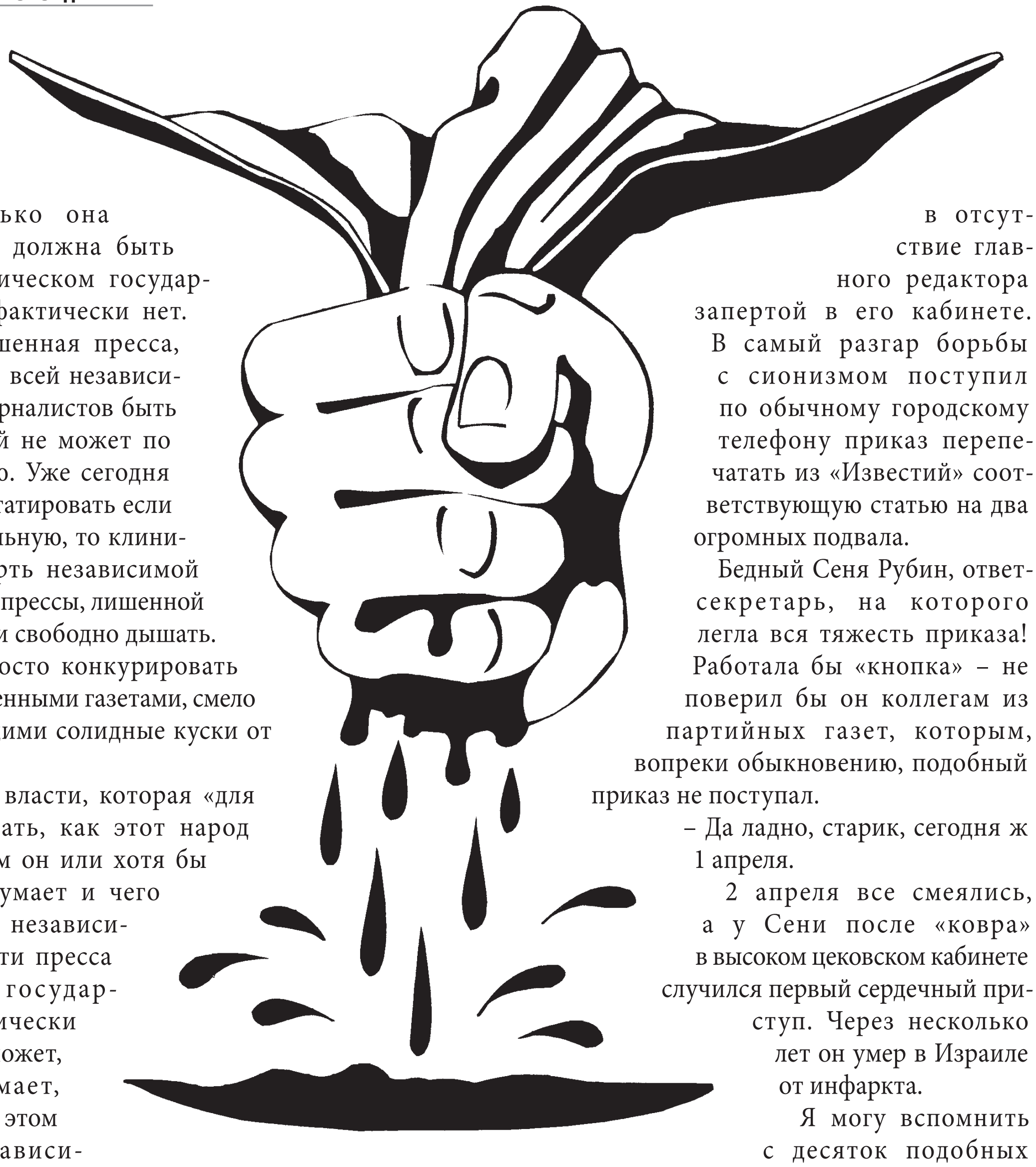
Вот пример: «Народная воля», флагман, так сказать, «нового либерального курса» режима по отношению к независимой прессе. На днях – третье предупреждение Министерства информации: опубликовав воспоминания и суждения своего читателя Ильи Копыла о войне, газета сообщила «недостоверные сведения» о партизанском движении и некоторых других подробностях войны на территории Беларуси. Основание для предупреждения – заключение Института истории НАН.

В чем-то конкретном, возможно, автор, а за ним и газета ошиблись. Что, разумеется, плохо, но поправимо, грозный окрик здесь ни к чему. Но когда «недостоверными» объявляются сведения о том, что в Центральном штабе партизанского движения существовал план уничтожения ряда белорусских деревень, хочется спросить: а кто может с полной уверенностью утверждать, что такого плана не было? Ученые историки из упомянутого института? Так ведь и Куропат «не было», кто еще помнит. Зато секретный приказ Сталина № 0428 от 17 ноября 1941 года был: «1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия… широко использовать партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами». Кто может поручиться за то, что сталинский метод ведения войны с противником на пороге Москвы не был впоследствии распространен на всю зону оккупации?

Обвиняя газету в «недостоверности» дискуссионного предположения, министерство недвусмысленно ведет дело к ее закрытию, вполне согласуясь с внушением президента А. Лукашенко студентам журфака: «В руках средств массовой информации оружие самой разрушительной силы, и они должны контролироваться государством».

Заметьте – разрушительной, вот страху-то! Заметьте, не только государственные СМИ подконтрольны – все!

«Гомельской правде», правда, как и десяткам других клонов от «Правды», да и в целом так называемой государственной прессе ничто подобное министерским «предупреждениям», тем более закрытие, не грозит. Парадоксально, но ничто подобное уже не грозит и независимой прессе,

какой только она и может, и должна быть в демократическом государстве, – ее фактически нет. Есть разрешенная пресса, которая при всей независимости ее журналистов быть независимой не может по определению. Уже сегодня можно констатировать если не окончательную, то клиническую смерть независимой белорусской прессы, лишенной возможности свободно дышать. Хотя бы просто конкурировать с государственными газетами, смело откусывающими солидные куски от госбюджета.

Откуда ж власти, которая «для народа», знать, как этот народ живет, о чем он или хотя бы часть его думает и чего хочет, если независимая от власти пресса в нашем государстве практически умерла? А может, власть думает, что знает об этом и без независимой прессы? А может, потому и не нужна ей независимая пресса, что она, власть, и без нее это знает?

Наивные вопросы! Их еще можно адресовать той власти, которая не столь размашиста в отношениях с независимой журналистикой: игнорирует, а то и побаивается ее, как, в общем, во всем мире, но не мешает ей жить и работать на благо общества.

Но в нашем случае сколько вопросов ни задавай – упрешься в один ответ: все дело в кнопке.

Об этой кнопке Александр Лукашенко рассказал однажды представителям региональных российских СМИ (назвать эти льстивые пропагандистские шоу пресс-конференциями язык не поворачивается): «У главных редакторов крупных белорусских изданий есть прямая кнопка связи с президентом».

Не берусь судить, насколько часто используется эта кнопка. Допускаю даже, что она вообще не используется. Главное – она есть.

Помню переполох в «Знамени юности» советских времен, когда тогдашняя «кнопка» оказалась в отсутствие главного редактора запертой в его кабинете. В самый разгар борьбы с сионизмом поступил по обычному городскому телефону приказ перепечатать из «Известий» соответствующую статью на два огромных подвала.

Бедный Сеня Рубин, ответсекретарь, на которого легла вся тяжесть приказа! Работала бы «кнопка» – не поверил бы он коллегам из партийных газет, которым, вопреки обыкновению, подобный приказ не поступал.

– Да ладно, старик, сегодня ж 1 апреля.

2 апреля все смеялись, а у Сени после «ковра» в высоком цековском кабинете случился первый сердечный приступ. Через несколько лет он умер в Израиле от инфаркта.

Я могу вспомнить с десяток подобных сюжетов из тех времен, и журналистов, чье сердце не выдержало в конце концов Большой Лжи. Журналистов, ставших жертвами Большой Кнопки. Может, и потому еще, что в ту журналистику, наивно веря в ее возможности переустраивать жизнь, шли – извините за невольный пафос – по зову сердца.

Я хочу напомнить, какую цену пришлось заплатить за рождение в конце прошлого века независимой белорусской журналистики и какую цену приходится платить сегодня за ее фактическое уничтожение. И не только инфарктами – избиениями, похищениями, даже убийствами, не говоря уже про «химию», безработицу и нищету. Те же, кто идет в профессию по зову «кнопки», платят страхом, лицемерием и Большой Ложью, которая монтируется из пустых клятв, показной смелости и ма-а-ленькими «правд».

Сделать страх органичным элементом журналистской профессии – вот цель режима и одно из главных в его понимании средств самосохранения.

Потому что на самом деле он больше всего боится саморазрушения. То есть самого себя.

Шлях да Свабоды

Малюнак Сяргея Казлова

Фота Вадзіма Заміроўскага, TUT.BY